

ШКОЛЬНИК ВЕСТНИК

6+

12/2017

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

12/2017

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

Г.С. Еремеев

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

В.В. Кулешов

И.И. Семёнова

Г.А. Смирнов

А.В. Тимофеев

А.П. Торопцев

О.В. Шевкун

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо от Деда Мороза **1**

Звёзды рекомендуют, но не принуждают **3**

Аромат европейского Рождества **13**

ПРОБА ПЕРА **15**

Даниил Хачатуров. Стихи

Илья Кравцов. Как я провёл зимние
каникулы **17**

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Антонина Сымонович. Стихи **19**

Вячеслав Васин. Стихи **20**

«Тот истинный мудрец, кто выдумал
альбом!» **21**

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Любовь Блоховцева. Стихи **36**

Александр Лугарёв. Стихи **37**

Эрнст Теодор Гофман. Щелкунчик **39**

Виктор Глебов. Вперёд, Дик Сэнд! **74**

ПИСЬМО ОТ ДЕДА МОРОЗА

Здравствуйте, дорогие мои школьницы и школьники!

Вот и ещё один год прошёл, и я снова спешу поздравить вас с Новым годом. И если кто-то из вас когда-то давным-давно, ещё в детском саду, засомневался, что я существую, сейчас может убедиться в обратном: письмо, поздравления и подарки, которые ждут вас под ёлкой, — самые настоящие. А то, что вы ждёте от меня подарков, так

это мне в лес сорока на хвосте принесла, а она-то всегда всё знает.

Желания ваши мне с каждым годом исполнять всё труднее. Чтобы разобраться, что именно вы хотите, пришлось мне на старости лет вступить в группу «Гаджеты для жизни» на Facebook. Теперь перед сном вместо сказок читаю, кто какой новой публикацией поделился, чтобы от вас не отставать. Работа у меня такая, нравится или нет, а желания ваши надо выполнять.

Хочу вам в качестве новогоднего сюрприза раскрыть один секрет: дарить подарки гораздо приятнее, чем их получать. Не верите? Попробуйте и сами убедитесь, что я правду говорю. А если в этом году не успеете приготовить подарки близким и друзьям, я вам помогу, поделюсь с вами старинным рецептом новогоднего блюда. Лучшего новогоднего подарка не бывает.

Читайте внимательно и запоминайте.

Берём двенадцать месяцев года и хорошо очищаем их от зависти, ненависти, жадности, упрямства, эгоизма и равнодушия.

Каждый месяц делим на три равные части и, тщательно соблюдая пропорции, каждую заполняем не более чем на треть работой (а пока вы школьники — учёбой), а остальные две части — радостью, дружбой и весельем. Все три часть обязательно заправляем смесью юмора и смеха.

Добавляем три полные с верхом ложки оптимизма, большую горсть веры, ложечку терпения, несколько крупных зёрен терпимости и от души — несколько щепоток вежливости и порядочности.

Всю получившуюся смесь щедро заливаем любовью!

Теперь, когда блюдо готово, украшаем его лепестками цветов доброты и внимания.

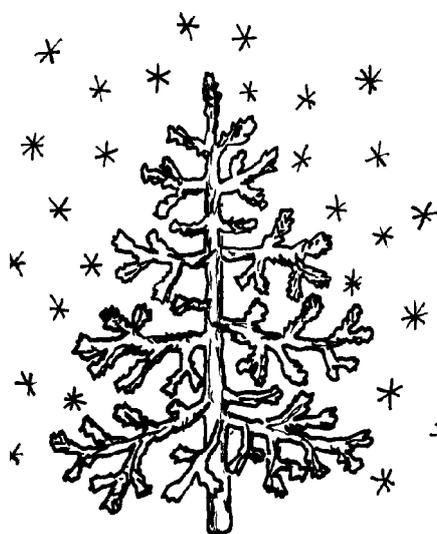
Подавать его советую ежедневно с гарниром из тёплых слов и сердечных улыбок.

Желаю вам весёлого Нового года и нескучных каникул! А в наступающем году много приятных сюрпризов и интересных встреч!

С наилучшими пожеланиями, ваш Дед Мороз.

ЗВЁЗДЫ РЕКОМЕНДУЮТ, НО НЕ ПРИНУЖДАЮТ...

Сложно найти человека, который был бы равнодушен к новогодним праздникам. Видимо, любовь к этой волшебной ночи в каждом из нас заложена генетически. Так или иначе, раз в году все мы становимся удивительно похожими друг на друга: наряжаем ёлки, дарим и получаем подарки, готовим оливье и ждём новогоднего чуда... А ещё накануне

долгожданного праздника мы вдруг начинаем искать в Интернете и в попадающихся под руку газетах и журналах всевозможные гороскопы. Что за зверь будет охранять наше счастье и покой в следующем году? А может, наоборот, будет строить нам козни и испытывать на прочность наши нервы?

Если верить восточному календарю, астрологам и другим гадателям-прорицателям, 2018 год будет годом Жёлтой Собаки. Собака — животное домашнее, доброе и преданное своему хозяину. Значит, весь следующий год под её покровительством будем жить без проблем? Как бы не так. Собака, как известно, может быть и кусачей. Расслабиться и ждать милостей от благодетельницы могут только те, кто будет упорно трудиться, учиться, делать по утрам зарядку, помогать маме, участвовать в художественной самодеятельности, читать все книжки по списку внеклассного чтения, не опаздывать на уроки, не списывать домашние задания и т.д и т.п., но при этом ещё улыбаться, быть весёлым и бодрым. Это ведь совсем не трудно!

А не задумывались ли вы в год Собаки завести своего, собственного пса? Живой и мохнатый символ года всегда был бы рядом с вами. Не торопитесь с выбором и прислушайтесь к астрологам — в таком важном деле без них не обойтись. Может быть, вам совсем не собака рядом нужна, а рыбки или хомяк. Бывает, что заведут люди домашнее животное, не сверив своё решение с мудрыми звёздами, а найти с ним общий язык не могут. И становится котёнок или щенок не членом семьи, как полагается, а причиной для неприятностей и семейных ссор. А в чём бедный пёс виноват, если хозяева вовремя его гулять не ведут или удивляются, почему он не хочет быть вегетарианцем? Чтобы не допустить такого катастрофического развития событий, прежде чем завести домашнего питомца, поинтересуйтесь, какая зверушка подходит вам по гороскопу. И вы оба будете счастливы.

ОВЕН

21 марта — 20 апреля

Овны — люди решительные и энергичные. Их девиз: «Там, где все тормозят, я жму на газ!» Черепахи, котята и аквариумные рыбки (если это не акулы или пираньи) — питомцы не их стихии. Идеальным другом для Овна станут серьёзные собаки крупных пород. Свойственное Овну упрямство, которое он искренне считает не пороком, а очень даже положительным и полезным для своей комфортной жизни качеством, поможет ему стать очень неплохим дрессировщиком служебных собак. Овчарки, доберманы и ротвейлеры будут у них как шёлковые.

Не хотите тратить несколько часов в день на то, чтобы ваш питомец немедленно выполнял команду «Фас»

по лёгкому движению вашей руки, а командой «Ко мне!» было бы для него строгое выражение вашего лица, заводите ньюфаундленда или мастиффа. Только вначале подумайте, хватит ли ему места в вашей квартире.

ТЕЛЕЦ

21 апреля — 20 мая

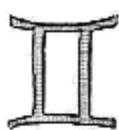
У трудолюбивых и потому вечно занятых Тельцов выбор небольшой. Им лучше завести животное, которое не требует к себе постоянного внимания и спит себе спокойно целый день, пока хозяин занят важными делами.

Это, разумеется, не собака. И даже не кошка: попробуйте ей объяснить, когда она хочет, чтобы вы с ней поиграли, что у вас завтра контрольная по математике и вам некогда. О последствиях легко догадаться. И рыбки им тоже не очень подходят, хотя они и удовлетворяют их высокие эстетические запросы. Тельцы любят что-то мягкое и пушистое.

Остаётся одно — заводить хомячка. Ему только клетку купить и корм — вот и все затраты, что для Тельца важно. Но не надо плохо думать о Тельцах: они не жадные, они бережливые.

БЛИЗНЕЦЫ

21 мая — 21 июня

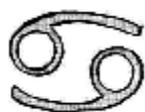

Близнецы натуры общительные и очень любят поговорить. Они и каменную статую разговорить могут, если никого больше рядом нет. Представители этого знака очень ценят в людях умение вести интеллектуальную беседу и совершенно не выносят одиночество и тишину. Поэтому в домашние питомцы им годится только говорящий попугай.

Близнецы, обратите особое внимание на серого африканского попугая Жако. Красавец, умница, размах крыльев 65 сантиметров. Может не только воспроизводить услышанные звуки, но и достаточно точно повторять интонацию. Среднестатистический попугай Жако способен запомнить и воспроизвести несколько сотен слов. Но ваш-то обязательно будет особенный и выучит тысячу, не без вашей помощи, конечно. И всеобщее восхищение вам обоим обеспечено.

РАК

22 июня — 22 июля

Рака астрология описывает как человека заботливого и всецело преданного семье и друзьям. Он смело может заводить любое длинношёрстное или пушистое существо, главное, чтобы оно было спокойное, добродушное и небольшого размера. А терпения, чтобы каждый день приводить шёрстку своего любимца в порядок, у Рака столько, что на все знаки Зодиака хватит.

Выбор у Раков большой. Это не только царственные персидские кошки всевозможных расцветок и лохматые собаки, от скромных, «дворового» происхождения, до самых экзотических и редких пород.

Если в вашем дворе уже гуляют три шпица и пять кудрявых болонок, поинтересуйтесь длинношёрстными хомячками. Если и это кажется вам слишком банальным, то перуанская морская свинка вас обязательно очарует. Шерсть у неё мягкая, шелковистая и очень длинная — 50 сантиметров. А чтобы ей не было скучно, пока вас нет дома, заведите для компании и ангорского

карликового кролика. Оба зверька очень дружелюбные и прекрасно уживаются вместе.

ЛЕВ

23 июля — 22 августа

 Гордому и благородному Льву подобрать домашнее животное себе под стать очень и очень не просто. Он ценит всё дорогое и оригинальное. Втайне от всех он мечтает, что когда-нибудь, в будущем или чуть-чуть раньше, если позволят обстоятельства, если никто из близких не будет против, если по лотерейному билету он выиграет кучу денег... он заведёт грациозную породистую лошадь, желательно чистокровного арабского скакуна. Лучшей компании он для себя не желает.

В ожидании исполнения мечты Лев прекрасно ладит с кошками и собаками. И что интересно, самые тёплые и доверительные отношения складываются у него с теми животными, которые попадают к нему в дом случайно. Вот вам доказательство правоты астрологов, утверждающих, что один из главных жизненных принципов этого знака — «Лучше оказывать поддержку, чем её получать».

ДЕВА

23 августа — 22 сентября

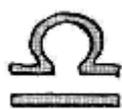
 Педантичной чистюле Деве угодить с выбором домашнего питомца очень трудно. Ей подходят только те животные, от которых в доме нет ни запаха, ни мусора. Про грызунов, очаровательных хомячков, морских свинок, шиншилл и кроликов, она может поговорить и даже найти их очень милыми и забавными, но пусть они живут где-нибудь подальше от её

дома. Птиц она любит слушать в лесу или в саду. Собаки и кошки доставляют слишком много хлопот, их она тоже предпочитает любить с большого расстояния.

Её настоящая отрада — рыбки. Они не нарушают порядка в доме, а чистый ухоженный аквариум с золотыми рыбками будет ещё и его украшением.

ВЕСЫ

23 сентября — 22 октября

Артистичным и весёлым Весам лучше иметь рядом таких животных, с которыми им не будет скучно. А если их будет двое, так ещё лучше! Кенарь и канарейка, два волнистых попугайчика, щенок и котёнок.

Астрологи упорно настаивают, что самые подходящие для Весов спутники — это голуби. Но дома они жить не могут, для них надо строить голубятню. Отложите это хлопотное дело на будущее, а пока читайте специальную литературу и изучайте тонкости процесса содержания и разведения голубей.

Вот кого Весам лучше не заводить, так это собак тех пород, которые требуют строгого воспитания. Представители этого знака сами не очень любят порядок и дисциплину, и сурового дрессировщика из них не получится. Воспитание бультерьеров, ротвейлеров и московских сторожевых им лучше не доверять.

СКОРПИОН

23 октября — 21 ноября

Экстравагантного Скорпиона хлебом не корми, только дай ему возможность выделиться из толпы. Он любит привлекать к себе внимание и не

боится нелестного мнения о своей персоне. Поэтому животных ему надо заводить экзотических: игуану, удава или аргентинскую рогатую лягушку.

Предел мечтаний Скорпиона-натуралиста — крокодил. Не Гена из мультика, а настоящий — из отряда вторично-водных позвоночных, относящихся к сборной группе «пресмыкающихся». Придётся, конечно, потрудиться, чтобы создать зверю условия, как на берегу Нила или Амазонки. Но дело того стоит: всеобщее внимание владельцу домашнего крокодила обеспечено, телезвездой можно стать! Главное, чтобы рептилия была лояльна к домочадцам и соседям, а в квартире нашлась для неё лишняя комната.

Если жилплощадь не позволяет, многометрового крокодила Скорпиону может заменить паук-птицеед или жуконосорог. Кошек, собак и других милых зверушек Скорпионам заводить не стоит — нет в них ничего необыкновенного и таинственного. Исключение — абсолютно чёрный кот с голубыми глазами. Пожалуй, тут Скорпиону есть о чём подумать.

СТРЕЛЕЦ

22 ноября — 21 декабря

Жизнь предприимчивых и активных Стрельцов — это сплошное преодоление трудностей и решение сложных задач. И, надо признать, они успешно с ними справляются. Долго раздумывать, кого завести и с кем делить свой досуг, Стрельцам не нужно. Они легко могут ужиться с любым домашним питомцем. Если захотят, смогут «договориться» и с самыми злыми собаками, и с необъезженными лошадьми.

Прекрасной компанией для Стрельцов могут быть даже флегматичные черепахи. Не удивляйтесь, но и у них есть чему поучиться. Эти мудрые создания знают всё о независимости, к которой так стремятся Стрельцы. К тому же черепаху легко взять с собой в дальнюю поездку или путешествие, без которых Стрельцам из-за их страсти к приключениям жизнь не в радость.

КОЗЕРОГ

22 декабря — 19 января

Козерог — самый дисциплинированный и организованный знак Зодиака. Если он поставит перед собой великую цель, косяками ляжет, но своего добьётся. Качества замечательные. Но он и от окружающих требует соответствия своему идеалу! Поэтому ему подойдут любые животные, готовые согласиться с представлениями Козерога об образцовом домашнем питомце. В первую очередь это собаки служебных пород.

Мириться с беспокойным и непредсказуемым домашним животным Козерогу будет трудно. Он, разумеется, с ним справится, но сколько сил будет потрачено впустую! Поэтому Козерог должен семь раз отмерить, прежде чем завести кошку, если, конечно, в доме нет мышей.

Практичный Козерог вообще любит животных, от которых есть польза. Если увидите сельский дом, во дворе которого гогочут гуси и блеют овцы, поинтересуйтесь датой рождения хозяина этого «зоопарка». Скорее всего, это будет Козерог.

ВОДОЛЕЙ

20 января — 18 февраля

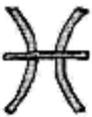
 Водолей любит всё новое и необычное, поэтому он выбирает такого домашнего питомца, которого нет ни у кого из друзей и знакомых. Если это собака, то обязательно редкой, экзотической породы, пусть она будет не грациозная красавица и вида чудачковатого, зато сколько внимания на улице! Если это кошка, то непременно такой необычной расцветки, что у окружающих возникает подозрение: а не выкрасил ли её так причудливо сам хозяин?

Стремясь ко всему оригинальному, Водолей может с лёгкостью завести дома и небольшую рептилию, и экзотического грызуна, и попугая какаду с острова Каримунджава.

Без новых впечатлений Водолею жить не интересно, и дома он засиживаться не любит. Поэтому он должен быть уверен, что пока он болеет на стадионе за любимую команду или отрывается на рок-концерте, его надёжный помощник заботится о скучающей без хозяина зверушке.

РЫБЫ

19 февраля — 20 марта

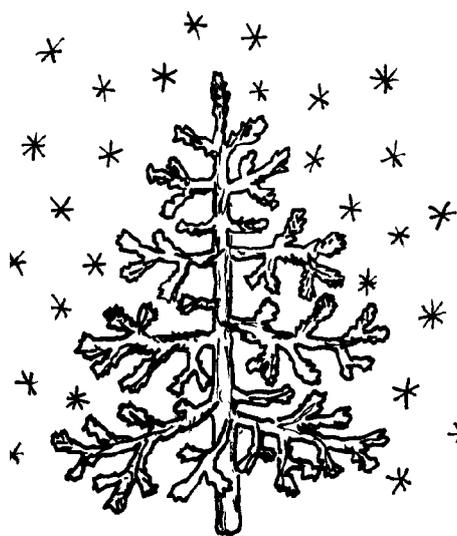
 Рыбы — это самый мечтательный знак Зодиака. Они неисправимые романтики, они любят гармонию и красоту. Эмоциональные Рыбы знают, что окружающий мир полон несправедливости и прочих неприятных вещей, поэтому предпочитают создавать свой собственный. В нём есть место всем — кошкам, собакам, черепахам.

В названии этого знака Зодиака уже есть ответ на вопрос: «Кого из домашних животных следует заводить Рабам?» Аквариумных рыбок, какие тут могут быть сомнения!

Как это не покажется странным, сами добрые и заботливые Рыбы редко принимают решение завести домашнего питомца. Их чувствительная душа страдает от того, что животные лишены свободы. Но если кто-то из безответственных родственников завёл декоративную крыску и забыл, что её надо кормить каждый день, Рыба не бросит её на произвол судьбы.

АРОМАТ ЕВРОПЕЙСКОГО РОЖДЕСТВА

В каждой стране есть свои традиции празднования Нового года и Рождества. Есть и традиционные праздничные угощения. На Руси детей баловали медовыми пряниками, а вот рождественские традиции Западной Европы неразделимо связаны с пряничными домиками и с забавными фигурками человечков из имбирного теста. Сегодня прянич-

ный человечек — это символ европейского Рождества, такой же, как и Санта Клаус со своими оленями.

Впервые имбирные человечки появились при дворе английской королевы Елизаветы Первой (1558 — 1603). Эта выдающаяся правительница и незаурядная женщина обожала сладкое. Это вредное пристрастие совершенно испортило зубы Её Величества, и придворным пришлось ввести в моду чернить свои — белые и здоровые, чтобы польстить монархине. У королевских особ недостатков не бывает.

А ещё Её Величество любила поражать иностранных гостей десертами необычной формы. Если верить историкам, именно Елизавета придумала новое лакомство, потребовав, чтобы королевский повар добавил в тесто для пряников имбирь — очень дорогую заморскую пряность, ещё новую для европейцев, а сами пряники испёк в форме забавных человечков. Королева настояла, чтобы её кулинарная новинка — имбирные человечки — попала на стол, накрытый по случаю торжественного приёма, что называется «с изюминкой» — пряники должны были иметь портретное сходство с гостями.

Рецепт необычных имбирных пряников придворный повар держал в строжайшем секрете. Но, как известно, всё тайное рано или поздно становится явным. То ли кто-то из его помощников-поварят проговорился, то ли народ придумал свой собственный рецепт приготовления лакомства с королевского стола, но эта вкусная и оригинальная выпечка вскоре появились на праздничных столах и у простых людей.

Если у нас главные новогодние ароматы — еловый и мандариновый, то старая добрая Европа придерживается своих веками устоявшихся традиций, и накануне Рождества здесь можно в каждом жилище уловить запах домашней выпечки с нотками имбиря.

Но почему людям так полюбилась именно фигурка человечка? Скорее всего потому, что он был для них символом желания изобилия, ставшее актуальным со времён страшного голода, случившегося в средневековой Европе в 1315 году. Чуть позже, когда страшные голодные годы остались позади, десерт такой формы стал символом замужества для девушек. Считалось, что если съесть пряник именно в рождественскую ночь, то до конца года свадьба гарантирована. Конечно, рецепт теста для имбирных человечков изменялся с ходом времени, и каков он был в первоначальном виде, сегодня уже никто не помнит. Появились новые рецепты — у каждой хозяйки свой, один интереснее другого. В кулинарных книгах и Интернете вы их найдёте в изобилии.

ПРОБА ПЕРА

Даниил Хачатуров

*Ученик 5 класса
Самарской школы для слепых детей*

НОВОГОДНЕЕ!

Странный дед пришёл к нам в гости!
С распушистой бородой,
С толстым посохом под мышкой
И мешочком за спиной!

Подарил он мне ракету,
Брату дал он леденец,
Сел за стол, попил он чаю,
Скушал мамин холодец.

А потом плясал у ёлки —
Аж на ней тряслись иголки!
Вдруг случилась с ним беда —
Отвалилась борода,

А когда слетела шапка,
Закричали дети: — ПАПКА!!!
Вот как весело народ
Отмечает Новый год!

ПРЕКРАСНЫЕ ЛЮДИ

Прекрасные люди, идите по свету,
Добром засевайте вы нашу планету,
Чтоб жизнь была красок ярких полна
И тот, кто не видит, — испил жизнь до дна!

И человек слепой мог понять,
Что значит влюбляться, играть, рисовать.
Чтоб он за себя умел постоять
И мог свою жизнь как гений ваять!

Как хочется мне вас увидеть сейчас
И новогоднюю ёлку — хоть раз;
Как первый снег опускается
И мама моя улыбается.

Но я не грущу, я счастливый сейчас,
Счастливее многих в тысячи раз!!!

ПРИШЛА ЗИМА...

Пришла зима, сменила осень...
Сентябрь уж пролетел давно!
А за окном в уютном доме
Идёт хорошее кино:

О том, как наступило лето,
Как прилетели журавли,
И солнце ласково светило,
Целуя кожу у земли.

В природе всё закономерно
И каждый миг неповторим!
За жизни чудные мгновенья
Мы Господа благодарим!

Илья Кравцов

*Ученик Челябинской школы для слепых и
слабовидящих детей № 127*

КАК Я ПРОВЁЛ ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

В первый день каникул мы с родителями и ребятами из хора пошли в «Лазертаг». Это игровой зал, в котором можно побегать по лабиринту и пострелять из лазерного пистолета. На каждого из нас был надет жилет, и если в нас попадали, он сообщал нам об этом. Было очень весело. Потом я уехал к бабушке на выходные.

Через три дня мы поехали в Белорецк. Там сняли коттедж. Ещё у нас во дворе была горка с тубингами. На Новый год я, папа и его друзья пускали салюты и зажигали бенгальские огни. А мама с Родионом весь Новый год проспали!

На Новый год Дед Мороз подарил подарок заранее. Мечта сбылась! У меня теперь есть настольный хоккей. Теперь папу я обыграю!

Второго января мы поехали в Абзаково. Это красивый горнолыжный курорт. Там очень много трасс для лыж, сноубордов и тубингов. А ещё там есть высокие подъёмники и очень красивые катки. Мы жили в тёплом доме с камином. На улице мы с папой разжигали костёр и жарили шашлыки. Потом катались на лыжах и тубингах.

Однажды, после бани, к нам пришёл гармонист, и мы играли на гармошке и пели песни «Вологда», «Ваше благородие», «Услышь меня, хорошая».

Как жаль, что эти каникулы так быстро закончились.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Антонина Симонович

НОЛЬ ГРАДУСОВ

По чьему-то наитью
Падали снежные нити,
И это было — как сказка:
Снегопад, снеголёт, снегопляска.

Прикатил Ноль-Колобок
И все нити смотал в клубок,
Закатил его, затерял
Белоснежный тот матерьял.

Ходим, ищем Зиму повсюду,
Треплют нас хвори, простуды.
Отвечай-ка, Ноль-Колобок,
Зиму ты куда уволок?

ЗИМА

Деревья снегу покорились
И нарядились
В пуховые шарфы и шапки,
Что очень шатки.
И лишь берёза одна не верит,

Что снег согреет.
Стоит прямая, стоит нагая,
Лучом играя.
А зверь пушистый, что так унижен,
Ей ноги лижет.

ИНЕЙ

Я вышла из дому — и, о, удивленье!
Вместо деревьев — стадо оленье.
Вправду это иль понарошке —
Ветки стали — оленьи рожки.
Олени кивают мне головой —
Неужто ехать зовут с собой?
Ах, соглашусь! Была не была!
Все бесконечные брошу дела
И въеду в Сказку на всём скаку...
Зимнюю сказку в белом снегу.

Вячеслав Васин

Зима. Земная нагота.
И снег скрипит под каблуками.
И струйка пара изо рта
Дерзает слиться с облаками.

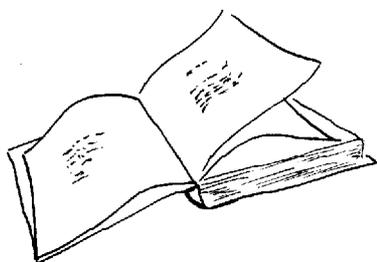
Зима. Корявые дубы.
И крик нахохлившейся птицы.
И телеграфные столбы
Чернеют, словно единицы.

ЗИМОЮ

Зимнему солнцу души не согреть,
Сердце в груди
Застывает.
Холодно жить. Но не петь
Невыносимо бывает.
Холодно. Похолодней,
Чем снегирю и синице?..
Певчие птицы России моей
Все — перелётные птицы.

«ТОТ ИСТИННЫЙ МУДРЕЦ, КТО ВЫДУМАЛ АЛЬБОМ!»

В.А. Жуковский

Слово «альбом» нам хорошо знакомо. Как только мы его произносим, в памяти сразу всплывает фотоальбом, который есть в каждой семье. Но речь пойдёт не о нём, а о тех рукописных альбомах, которые были в большой моде в России в XIX веке.

Традиция рукописных альбомов пришла в Россию из Западной Европы. В первой трети XIX века в светских салонах Петербурга и Москвы возникает своеобразная мода: оставлять на память какую-нибудь запись, небольшой стишок, куплет или рисунок. (Помните, в комедии Гоголя «Ревизор» Марья Антоновна просит Хлестакова оставить ей в альбоме на память что-нибудь «эдакое».) Альбомы клали

на столики в гостиных, брали с собой на балы и в путешествия. Их кожаные переплётёты украшали золотым тиснением, позолоченными накладками и замочками.

Альбомы были у всех — у дам и барышень, у молодых людей и литераторов. Светское воспитание требовало от молодого человека умения владеть кистью, копировать образцы живописи, подбирать рифмы.

Сложились строгие законы заполнения альбома. Первую страницу оставляли незаполненной, так как существовало суеверие, что с написавшим на ней может случиться несчастье. В начале альбома писали родители и старшие, дальше — подруги и знакомые; последний лист отводился для самых нежных записей — считалось, что там пишут те, кто больше всех любит владелицу альбома.

Без альбомной культуры невозможно представить салоны пушкинской эпохи. К альбомам относились равнодушно, даже когда на них сердились:

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий* наших благородных
Провозглашает только спесь...

Это Пушкин. А между тем поэт писал в альбомы — и далеко не всегда эпиграммы. Его альбомные стихи и рисунки давно стали предметом специального изучения. В романе «Евгений Онегин» Пушкин дал своеобразную типологию рукописных альбомов: великолепные альбо-

**Аспазия* (ок. 470 — 400 до н.э.) — возлюбленная Перикла, политического деятеля Древних Афин. Происходила из образованной милетской семьи. Отличалась умом, образованностью и красотой, в её доме собирались художники, поэты, философы.

мы светских красавиц, альбом блистательной дамы и «уездной барышни альбом», альбом Ольги Лариной, заполненный стихами и рисунками Ленского, и ещё — альбом Онегина, его «искренний журнал», не вошедший в окончательный текст романа.

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, назло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.

И далее в строфе ХХІХ:

Тут непременно вы найдёте
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтёте
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пиит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.

В Государственном музее А.С. Пушкина хранится обширная коллекция рукописных альбомов пушкинского времени. В них можно найти множество «стихов без меры», то есть без соблюдения стихотворного размера. Один из возможных примеров «злодейского стишка» «армейского пиита» можно прочитать в альбоме корнета гвардии П.П. Сумарокова:

Девнца, — кою сбыть скорее с рук желают,
И тщатся, чтоб её богатей нарядить,
Сродни с пилюлею, котору подслащают,
Дабы скорей её заставить проглотить.

Есть в коллекции девичьи альбомы с загнутыми уголками-секретами, где скрывалась надпись: «Кто прочтёт секрет без спроса, тот останется без носа»; с надписями на последней странице: «Кто любит более тебя, пусть пишет далее меня».

«Альбом красавицы есть список послужной» — предмет гордости и тщеславия его обладательницы. Хозяйка давала альбом кому-нибудь из своих гостей с просьбой написать ей что-нибудь. Получивший «задание» из любопытства читал другие записи и реагировал на них. Получался разговор. Альбомная лирика — это прежде всего мадригал, развития сюжета он не предполагает. Зато даёт повод для каламбура, галантного уподобления, неожиданной концовки.

Из альбома в альбом кочевали две строчки:

Три Грации досель считались в мире,
Но как родились вы, то стало их четыре.

Екатерина Сушкова* рассказывала, как юный Лермон-

**Сушкова Екатерина Александровна* (1812 — 1868) — адресат любовной лирики М.Ю. Лермонтова. В 1830 году поэт посвятил Сушковой 11 стихотворений, составивших «сушковский цикл». Правда, Сушкова, принимая стихи влюблённого в неё поэта, не скрывала своего насмешливого отношения к его любви. В 1870 году посмертно были опубликованы «Записки» Е.А. Сушковой, вызвавшие большой интерес как книга воспоминаний о Лермонтове.

тов в альбомной записи изменил концовку, и вместо мадригала получилась эпиграмма:

Три Грации считались в древнем мире,
Родились вы... всё три, а не четыре.

Часто в альбом вписывались поздравления к каким-либо праздничным датам или событиям. Пушкин писал в альбом Бакуниной*:

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всём усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

Иногда в дамских альбомах можно встретить стихи, не обращённые непосредственно к его хозяйке. Так, накануне отъезда за границу блестящей петербургской красавицы Анны Абамелек в её альбоме А.Д. Илличевский, лицейский друг Пушкина, делает прощальную запись и вписывает своей рукой стихотворение Пушкина «Бог помочь вам, друзья мои...», обращённое к друзьям-лицеистам — и тем, кто в Петербурге, и тем, кто сослан в Сибирь после восстания декабристов.

Альбом давал простор для своеобразной альбомной игры. Николай Иванович Греч**, известный своей учёностью, и в альбоме верен солидной прозе.

**Бакунина Екатерина Павловна* — старшая сестра лицейского друга А.С. Пушкина. Первая юношеская любовь поэта, вдохновившая его на создание целого цикла лирических стихов.

***Николай Иванович Греч* (1787 — 1867) — русский писатель, издатель, редактор, журналист, публицист, филолог, переводчик. Основатель исторического, политического и литературного еженедельного журнала «Сын Отечества», самого влиятельного русского журнала в 1810 — 1820-х годах.

Его стилизованные записи в альбоме С.Д. Пономарёвой слегка жеманны и остроумны. Сначала он пишет от лица школьного учителя, затем, выступая в роли педантичного библиографа, даёт остроумную характеристику хозяйке альбома:

«Современная русская библиография. Новые книги. 1818 г. София Дмитриевна Пономарёва, комический, но чувствительный роман с маленьким прибавлением. Санкт-Петербург, 19 страниц».

Маленькое прибавление — новорождённый сын Пономарёвой, а 19 страниц — число лет владелицы альбома. А дальше Греч даёт рецензию на «книжку»:

«Начав читать сию книжку, я потерял было терпение: мысли автора разбегаются во все стороны, одно чувство сменяет другое, слова сыплются, как снежинки в ноябре месяце; но всё это так мило, любезно, что невольно увлекаешься вперёд; прочитаешь книжку и скажешь: какое приятное издание! Жаль только, что в нём остались некоторые типографские ошибки!»

Софья Дмитриевна Пономарёва — хозяйка известного петербургского салона. Она знала языки, неплохо переводила, писала стихи, рисовала. В неё были влюблены и Дельвиг, и Баратынский, и Кюхельбекер. О её салоне дошло много воспоминаний, но главное — дошёл альбом, который заполняли посетители её салона. В нём появляются автографы Баратынского, Дельвига, Кюхельбекера. Это важно — альбомы и сейчас служат драгоценным источником авторских оригиналов поэтических текстов, многие из которых так и не попали в печать при жизни автора.

Проходило время, менялись отношения между людьми. Пушкин, листая альбом А. А. Олениной*, под стихотворением «Я вас любил, любовь ещё, быть может...», вписанным его собственной рукой в 1829 году, приписывает: «Plusqueparfait — давно прошедшее. 1833».

Альбом походит на кладбище;
Для всех открытое жилище,
Он так же множеством имён
Самолюбиво испещрён.

Эти стихи Баратынский вписал в альбом поэтессы Каролины Павловой. На обложке альбома часто помещали название: «Souvenir» — воспоминание. Альбом заполнялся долго, мог перейти от матери к дочери. Иногда около записей появлялись могильные кресты — знак, что автора записи уже нет на свете.

Порой в альбомах завязывалась беседа. Один пишет «О слабостях молчи, о добродетелях кричи», а другой отвечает: «Добродетель и без крику себя выкажет».

Часто в альбоме как бы запечатлевает разговор наедине — это не предназначено для печати, но уже и не дневник, который никому не показывают. Это шутка, допустимая в узком кругу. Вяземский записывает шутивно-интимный мадригал в альбоме своей светской приятельницы княгини Юсуповой:

**Оленина Анна Алексеевна* (1808 — 1888) — дочь президента Петербургской академии художеств А.Н. Оленина. Возлюбленная Пушкина в 1828 — 1829 гг. Адресат его стихотворений «Её глаза», «Пустое Вы сердечным ты...», «Не пой, красавица, при мне...», многих стрóf «Онегина». Музыкантша и певица. Автор неизданных до сих пор дневников и мемуаров о Пушкине.

Фортуна чрез меня вам башмаки подносит,
И, надевая их, вам вспомнить случай есть
О том, который сам вас и Фортуну просит
У ваших ног ему дать жизнь свою провесть.

В альбомах пушкинского круга приняты игра, обмен цитатами, переделки известных стихотворений, так что тексты «присваиваются», становятся «авторскими». Появляется специфическая альбомная поэзия — ведь предполагается, что владелец альбома прекрасно узнал подлинник. Превращение известного стихотворения в бродячий сюжет свидетельствует о его популярности.

Признанным альбомным шедевром, кочующим из альбома в альбом, стало стихотворение малоизвестного поэта пушкинской поры А.А. Крылова, однофамильца знаменитого баснописца:

Скажи, альбом, в простых словах
Твоей владетельнице милой,
Что царствует она в сердцах
И всех влечёт волшебной силой;
Что слишком счастлив был бы я,
Хоть мне она давно знакома,
Когда бы вспомнила меня
Она без помощи альбома.

Баратынский тоже не надеется на память С.Д. Пономарёвой:

Вы слишком многими любимы:
Знать наизусть их имена
Чрезчур обязанность трудна, —
Сии листы необходимы.

Эта лёгкая альбомная игра закончилась с пушкинской эпохой. В 1846 году Н.М. Языков писал: «Альбом, в котором заключаются стихи Пушкина, есть драгоценность, и он же должен быть сохранён как памятник того золотого времени, когда у девиц были альбомы». Время салонов и салонных игр осталось в прошлом.

Сейчас, как бы нам ни хотелось, вернуться к альбомной традиции невозможно, но привнести в нашу жизнь хотя бы немного некоторой утончённости и душевности очень хочется. Ведь неперемённым условием каждого послания и каждой записи в альбоме было дружеское отношение между людьми.

В.А. Жуковский

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О Дружба, это ты!

А.С. Пушкин

Ек. Н. Ушаковой

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —

Вы ж вздохнёте ль обо мне,
Если буду я повешен?

В АЛЬБОМ

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моём
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад, —
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

П.А. Вяземский

АЛЬБОМ

Альбом, как жизнь, противоречий смесь,
Смесь доброго, худого, пустословья:
Здесь дружбы дань, тут светского условия,
Тут жар любви, там умничанья спесь.
Изящное в нём наряду с ничтожным,
Ум с глупостью, иль истинное с ложным —
Идей и чувств пестреет маскарад;
Всё счётом, всё в обрез и по наряду;

Частёхонько ни складу нет, ни ладу,
Здесь рифм набор, а там пустой обряд.
Как в жизни, так не точно ль и в альбоме
Плоды души сжимает светский лёд,
Под свой аршин приличье всех гнетёт,
И на цепи, как узник в жёлтом доме,
Которого нам видеть смех и жаль,
Иль тот зверок, что к колесу привязан,
В одном кругу вертеться ум обязан
И, двигаясь, не подвигаться в даль?
Пусть отомстит мне пчёл альбомных жало,
Но я ещё сравненье им припас:
Поэзии и мёда в жизни мало,
А в сих стихах и менее подчас.
К цветным листкам альбомов стих болтливый
Рад применить пестреющие дни:
Есть светлые, как радуги отливы,
Есть тёмные, померкшие в тени!
Как на веку день на день не придётся,
И будни вслед за праздником; равно
В альбоме то ж: здесь сердце улыбнётся,
А там зевнёт с рассудком заодно.
Иной листок для памяти сердечной
Дороже нам поэмы долговечной,
И день иной нам памятной, чем ряд
Бесплодных лет, что выдохлись, как чад.
Счастлив, кому, по милости фортуны,
Отсчитан день для сердца вечно юный!
Счастлив и тот, чей стих, любовь друзей,
Как сердца звук на сердце отзовется, —
Тот без молвы стотрубной обойдётся
И без прислуг журнальных трубачей!

Боясь в дверях бессмертья душной давки,
Стремглав не рвусь к ступеням книжной лавки,
И счастья жду в смиренном уголке.
Пусть гордый свет меня купает в Лете,
Лишь был бы я у дружбы на примете
И жив у вас на памятном листке.

Е.А. Баратынский

Альбом походит на кладбище:
Для всех открытое жилище,
Он также множеством имён
Самолюбиво испещрён.
Увы! народ добросердечный
Равно туда или сюда
Несёт надежду жизни вечной
И трепет Страшного суда.
Но я, смиренно признаюсь,
Я не надеюсь, не страшусь,
Я в ваших памятных листах
Спокойно имя помещаю.
Философ я: у вас в глазах
Моё ничтожество я знаю.

Когда б вы менее прекрасной
Случайно слыли у молвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы...

Когда б ещё сей голос нежный
И томный пламень сих очей
Любовью менее мятежной,
Могли грозить душе моей;
Когда бы больше мне на доли
Даров послал цитерский бог, —
Тогда я дал бы сердцу волю,
Тогда любить я вас бы мог.
Предаться нежному участию
Мне тайный голос не велит...
И удивление, по счастью,
От стрел любви меня хранит.

Перелетай к веселью от веселья,
Как от цветка бежит к цветку дитя;
Не успевай, за суетой безделья,
Задуматься, подумать и шутя.
Пускай тебя к Кориннам не причислят,
Играй, мой друг, играй и верь мне в том,
Что многие о милой Лизе мыслят,
Когда она не мыслит ни о чём.

ДЕВУШКЕ, КОТОРОЙ ИМЯ БЫЛО: АВРОРА

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари;
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!
Пылкий юноша не сводит

Взоров с милой и порой
Мыслит с тихой тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

А.А. Дельвиг

ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Несвязный сон.
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,
То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжёлой головой.

Не говори: любовь пройдёт,
О том забыть твой друг желает;
В её он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдаёт.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких

Без горьких слёз, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть её остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Любовь Блоховцова

ЗАЙЧОНОК

Весь такой пушистый,
В белой мягкой шубке,
Ты на антресоли
Дремлешь в старой сумке.
И шурша обёрткой,
И вздыхая сладко
Шепчутся о чём-то
В пузе шоколадки.
А в большой коробке,
Праздник ожидая,
Дремлет где-то рядом
Ёлочка складная.
Вот сейчас подставлю
К шкафу табуретку,
Подтянусь немного
И возьму конфетку.
А потом закрою на замочек пузо.
Улыбнись, зайчонок,
Не смотри так грустно.
Мы повеселимся,
Вволю поиграем.
Послезавтра — ёлка.
Мне тебя подарят.

Дед Морозом снова
Будет Лёшкин папа —
Лёха обнаружил
Бороду и шапку.
Мне признался в этом
Строго по секрету.
Ты меня не выдашь?
Ну, иди на место.
Ключ скрипит сердито
В скважине замочной.
Я — под одеяло!
Тсс! Спокойной ночи!

Александр Лугарёв

НУ-КА, ЁЛОЧКА, ГОРИ!

— Милый Хрюша! Неужели
Не придёт к нам Дед Мороз?!
Может быть, он спит в постели
И храпит себе под нос?

— Нет, Степашка! В эту пору
Дед Морозу не до сна.
Отдыхать ему не скоро,
Лишь когда придёт весна.

Длинен день его рабочий,
Постоянно, день и ночь,
Он о празднике хлопочет.
Как бы нам ему помочь?!

— Так давай ему поможем!
Хрюша, мы должны помочь!
Всем, чем нужно, всем, чем сможем
В эту праздничную ночь.

Тут раздался бас могучий:
— Ай спасибо, молодцы!
Вы теперь, Степашка с Хрюшей,
Снежной гвардии бойцы!

Тот, кто весел, тот, кто дружен,
Может делать чудеса!
Даже Дед Мороз не нужен,
Если ты волшебник сам!

Тут, конечно же, ребята,
Я немножечко приврал,
Нам на всех работы хватит,
Объявляю всем — аврал!

Дед Мороз поправил пояс:
— Ну-ка, дети, раз, два, три!
Вместе, дружно во весь голос
Крикнем: «Ёлочка, гори!»

НА ЗЕМЛЮ ТИХО ПАДАЛ СНЕГ...

Снег падал, медленно кружась,
И таял, превращаясь в грязь,
И озабоченный народ
Ворчал: — Ну что за Новый год?!

А Новый год был ни при чём,
Он, не жалея ни о чём,
С улыбкой думал в свой черёд:
«Какой немыслимый народ!

Вот и крутись для них для всех!
Их раздражает даже снег,
Хотя он славно так идёт.
Какой немыслимый народ!»

Но тут забавный мальчуган,
Взглянув в окно, воскликнул: — Мам!
Смотри, какой красивый снег,
Снежинки кружат, как во сне!

Пускай ещё не крепок лёд,
И пусть порою дождик льёт,
Я знал, я верил, что придёт
К нам Дед Мороз и Новый год!

Эрнст Теодор Гофман

ЩЕЛКУНЧИК

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ

Шу-шу! Шур-шур! — таинственно доносилось из соседней комнаты. Фриц и Мари сидели в полутёмной спальне и прислушивались. До поры до времени им не разрешалось входить в гостиную, где, наверное, уже сверкала праздничными огоньками свечей рож-

дественская ёлка. Мари, которой только-только исполнилось семь лет, всё спрашивала своего старшего брата:

— Ну когда же начнётся праздник?

— Потерпи, — солидно отвечал Фриц, хотя и сам дрожал от нетерпения.

А за стеной всё не умолкало это влекущее, таинственное шуршание, мелодичное постукивание крохотного молоточка, позвякивание каких-то дощечек и железок. И дети, затаив дыхание, прислушивались к доносившимся из гостиной звукам.

Накануне Рождества их крёстный Дроссельмейер мастерил для них какой-то особый подарок.

Тук-тук! Бам-бам! — разносилось по дому.

Ох уж этот крёстный Дроссельмейер! Станный он человек. Даже человек. Маленького роста, сухонький. Морщинки на лице сеточкой. На лысой, как блестящий шар, голове пышный, пудренный парик. А вместо правого глаза — чёрная, но совсем не страшная повязка.

И этот некрасивый маленький человек был большим искусником. Он умел делать всё, даже чинить часы. Стоило замереть маятнику или остановиться большой и маленькой стрелкам, этот волшебный мастер приступал к делу. Сняв сюртучок и повязавшись кожаным фартуком, крёстный Дроссельмейер вынимал из кармана коробочку с блестящими инструментами и принимался тыкать в часы шильцами и крутить шестерёнки отвёртками. Мари всегда жалела бедные часики, но они не обижались на мастера, а, наоборот, в благодарность за заботу начинали весело тикать.

Каждый раз, приходя к ним в дом, крёстный дарил детям необыкновенную игрушку. То крохотного кавалера-шаркуна с выпученными глазами, то коробочку-сюр-

приз, из которой со звоном выскакивает серебряная птичка. Интересно, что на этот раз мастерит, скинув жёлтый сюртучок и надев свой фартук, их затейник крёстный?

— Это, конечно же, будет крепость, — уверенно сказал Фриц. — И там будут маршировать крохотные солдатики с ружьями и длинными саблями. Они будут выделывать всякие штуки, а когда на крепость нападут враги, эти храбрецы встанут на защиту крепости и начнётся настоящее сражение. Будут палить пушки, свистеть пули и звенеть сабли.

— Нет, нет! — Мари так сердито замотала головой, что аккуратные кудряшки запрыгали над ушами. — Крёстный рассказывал мне о чудесном саде. Там в большом круглом озере плавают белоснежные лебеди с красными клювами. Шеи их повязаны золотыми ленточками. А маленькая девочка кормит их шоколадными конфетками.

— А вот и неправда! — захихикал Фриц. — Лебеди не едят шоколад. А крёстный, даже он, не сможет сделать целый сад да ещё с прудом.

Между тем стемнело. Дети затихли и, прижавшись друг к другу, прислушивались к звукам из гостиной. А там! Там в этот момент родители расставляют на отдельном столике под ёлкой множество чудесных подарков. Сейчас, сейчас распахнутся двери, и...

Динь-динь-дилинь! — прозвенел серебряный колокольчик. Можно! Фриц и Мари сорвались с места и кинулись в гостиную. Ах! Посреди комнаты, окутанная сияющей музыкой света, высилась великолепная ёлка. Пушистые ветки увешаны золотыми и серебряными яблоками, гроздьями обсахаренных орешков, конфет, облитых разноцветной глазурью пряников. В зелёной тьме хвои, как звёздочки в ночном небе, мерцали и пе-

реливались, озаряя комнату, сотни маленьких свечек. Но самое главное — рождественские подарки!

Нарядные куклы с фарфоровыми личиками и горка игрушечной посуды для восхищённой Мари. А ещё праздничное шёлковое платье, в оборках и цветных лентах! И ей непременно позволят надеть его! Фриц тем временем верхом на гнедом деревянном коне галопом объезжал стол, на котором застыл в ожидании полководца эскадрон гусар в великолепных шитых золотом красных мундирах с серебряными сабелями наголо.

Дети не знали, за что хвататься: то ли играть с куклами и барабанщиками, то ли листать чудесные книжки с разноцветными, будто живыми, картинками. Но тут снова зазвонил колокольчик. Настал черёд подарка крёстного Дроссельмейера.

Раздвинулась маленькая ширма, и на покрытом зелёным сукном столике, как на лужайке, вырос перед детьми замок. Заиграла музыка. Распахнулись зеркальные окошки, зажёгся свет в золотых башенках.

И тут все увидели, что по залам замка парами гуляют крошечные кавалеры в белых чулках и камзолах и дамы в шляпах с перьями и платьях со шлейфами. В малюсеньких, с напёрсток, серебряных люстрах сияют спиченки свечек, и под музыку пляшут и прыгают дети в разноцветных курточках и панталончиках. А из окна выглядывает господин в изумрудно-зелёном плаще и приветливо кланяется Фрицу и Мари. Крёстный Дроссельмейер! Конечно же он. Только с мизинец ростом.

— Крёстный, пусти нас к себе в замок! — вскричал Фриц.

Но изумрудно-зелёный человечек ничего не ответил, а спрятался в окне. Впрочем, тут же показался снова и приветливо поклонился. И опять исчез. И вновь появил-

ся. И дамы с кавалерами прохаживались всё так же кругами. И дети в замке топали ножками, как заведённые.

— Ну, это скучно! — протянул Фриц и занялся своими солдатиками.

Зато Мари вдруг присела на корточки перед ёлкой. Она увидела странного деревянного человечка, скромно стоявшего под пушистой веткой. Не очень-то складный был этот человечек.

Чересчур громоздкое туловище на тонких ножках и великоватая голова с тяжёлой челюстью. Но зато одет человечек был вполне пристойно и даже щегольски. Фиолетовый гусарский мундир, весь в пуговичках, опущках и позументах, узкие рейтузы и сапоги со шпорами. Всё сидело на нём так ловко, будто было нарисовано. Из-под круглой плоской шапочки выпрастывались белые букли нитяного парика, а завитки шерстяных ниток — щеголеватые усики над алой губой — не скрывали добродушной улыбки, сверкавшей жемчужным рядом ровных, крепких зубов. Мари тут же полюбила человечка, который приветливо и дружелюбно поглядывал на неё.

— А этот милый человечек для кого? — воскликнула Мари.

— Для всех, — ответил отец. — Это Щелкунчик. Он, как и все его предки, отлично умеет разгрызать орехи.

Мари тут же схватила горсть орешков, и Щелкунчик, продолжая приветливо улыбаться, колот их своими крепкими зубами.

Фриц, услышав, как весело щёлкают орешки в зубах Щелкунчика, на минуту оставил свой оловянный эскадрон и подошёл к столу. При виде забавного человечка с огромной челюстью мальчик расхохотался. Схватив самый большой и твёрдый орех, Фриц сунул его в рот Щелкунчику.

Крак!.. — обломились три зуба у бедного Щелкунчика, а тяжёлая челюсть беспомощно отвисла.

— Фу, глупый Щелкунчик! — вскричал Фриц. — То ли дело мои драгуны! Им никакое самое крепкое ядро не страшно!

И он снова вернулся к своим солдатикам. А Мари, вся в слезах, прижала к груди раненого Щелкунчика, подвязала ему больную челюсть белой ленточкой и заботливо укутала платком. Она раскрыла новую книжку с цветными картинками и, баюкая бедного Щелкунчика, словно младенчика, принялась показывать ему картинки. Фриц только посмеивался, приговаривая, что глупая Мари нянчится с деревянным человечком, будто он малое дитя. Но девочка и не думала обращать внимание на эти насмешки.

— Щелкунчик, миленький, — шептала она, — не сердись на Фрица. Он добрый. Просто немного огрубел со своими оловянными солдатиками. А я буду тебя беречь и лечить. — И Мари продолжала нежно баюкать Щелкунчика.

А ночь, таинственная рождественская ночь уже подкрадывалась к дому, затягивала окна синим сумраком. Пора было убирать игрушки. В гостиной налево от двери стоял высокий стеклянный шкаф. На верхней полке, до которой детям было не дотянуться, расположились чудесные изделия крёстного Дроссельмейера. Ниже рядом теснились книжки в лаковых переплётках. На самой нижней полке Мари устраивала кукольную комнату, где жила любимая кукла Трудхен, а теперь и новая нарядная Клерхен. Фриц занял полку повыше и расставил строем своих конных и пеших солдат с барабанщиками, трубачами и знаменосцами.

— Дети, — сказала мама, — оставьте игрушки до завтрашнего утра. Гасите свет и отправляйтесь спать.

Фриц в последний раз глянул на свои войска, отдал честь капитану в синих драгунских рейтузах и приказал:

— Пора на покой! Завтра нам предстоит великое сражение.

С тем он и отправился в детскую. А Мари вдруг взмолилась:

— Мамочка, пожалуйста, позволь мне побыть со Щелкунчиком ещё пять минут. Я сама погашу свет и лягу спать.

— Хорошо, — согласилась мама, — только не задерживайся. У тебя уже глаза слипаются.

Впрочем, она на всякий случай погасила все свечи в комнате. Осталась только одна лампа, свисавшая с потолка. Её мягкий свет не мог рассеять вечерний сумрак, таившийся по углам.

СРАЖЕНИЕ

Мари осталась одна в большой гостиной. Она положила Щелкунчика на стол, развязала платок и осмотрела его рану.

— Не расстраивайся, милый Щелкунчик, — ласково произнесла она, — крёстный Дроссельмейер непременно вылечит тебя. У него есть замечательные молоточки, ладные щипчики и крохотные отвёртки. А теперь я уложу тебя в мягкую кроватку моей куклы. — И Мари обратилась к пухлой, краснощёкой кукле: — Дорогая, не могли бы вы на эту ночь уступить свою кровать больному Щелкунчику?

Но кукла, обиженно надув щёки, молчала.

— Ладно, — согласилась Мари, — может быть, Щелкунчику и впрямь будет удобнее на верхней полке в походной палатке солдат Фрица.

Она поставила Щелкунчика на верхнюю полку и уже собиралась идти в спальню, как вдруг отовсюду — из-за шкафа и стульев, из-под стола и из-за кафельной печи, из каждого тёмного угла — о-ох! — стали разлетаться, подкрадываться тихие-тихие шорохи, шёпоты, шуршания и шебуршения. А настенные часы с маятником захрипели, засипели, готовясь пробить полночь.

Ти-ик! Та-ак! — медленно, с трудом, словно полусонный, качался маятник.

Большая механическая сова с крючковатым носом и круглыми глазами вдруг расправила крылья и медленно, как заведённая, стала поворачивать голову слева направо и справа налево. Клюв её раскрылся, и Мари явственно различила хриплый голос:

Тише! Тише!
Слышишь? Слышишь?
Из угла ночной гостиной
К нам ползёт король мышиный...
И часов старинных бой
Нас зовёт на смертный бой...

Бом-м! Бом-м!.. — двенадцать раз ударили в тишине часы. И тут же за стеной, по углам, под полом слышались писк, возня и дробный топоток тысячи крохотных лапок. Острыми огоньками засветились тысячи глазок-буравчиков. И отовсюду стали сбегаться несметные полчища мышей.

Они выстроились в боевом порядке прямо перед Мари и замерли.

И треснул, приподнялся пол посреди гостиной, разбрасывая звонкие янтарные половицы. Из-под пола с отвратительным шипением вылезли семь мышинных голов в сверкающих коронах, а следом и толстое тельце, на котором покачивались семь гадких мышинных головок. Всё мышинное войско со своим семиголовым предводителем стало надвигаться на Мари, прижавшуюся к шкафу.

Что-то будет?

Но тут — дзынь! — разбилась стеклянная дверца шкафа. Мари и не заметила, что сама локтем неуклюже ткнула в стекло и разбила его. Рукав её платья окрасился кровью. И тут зазвенел храбрый голосок:

— Вперёд! За мной! На бой! На бой! Вперёд на горе мышинной своре!

Сама собой вдруг завелась, заиграла музыкальная шкатулка. На этот раз мелодичные колокольчики играли не привычную песенку про милого Августина, а настоящий военный марш:

Синие мундиры,
Сабли наголо.
Эй, командиры,
В седло, в седло!

Это гремели уже не колокольчики, а звонкие литавры. И тут Мари увидела, что внутренность шкафа осветилась. Во весь свой рост поднялся раненый Щелкунчик и взмахнул серебряной саблей.

— Трубочка к трубочке станьте плечом к плечу! — крикнул он. — Эй, барабанщик, трубочист и паяцы, нечего бояться! Я поведу вас в бой за собой!

И встали с ним плечо к плечу три храбрых паяца, четыре трубочиста, два трубача, барабанщик и Панталоне со знаменем. Безрассудно-смелым прыжком перелетел Щелкунчик на пол. Мягко шлёпнулись следом за ним бархатные паяцы и туго набитые опилками музыканты с трубочистами. Спорхнул с развевающимся, как крылья бабочки, знаменем Панталоне.

— Эгей, барабанщик! Бей тревогу! Зови подмогу! — звонко скомандовал Щелкунчик.

Грянула барабанная дробь. А Панталоне вдруг озорно подмигнул Щелкунчику и барабанщикам, сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул.

Разом распахнулись обе дверцы шкафа. Загремели сапоги, забряцали сабли, заржали лошадки, и ровными шеренгами выступили солдатики Фрица. Кирасиры сверкали своими доспехами. Драгуны гарцевали, сидя в высоких сёдлах. Блестящие гусары лихо пришпоривали коней. А за кавалерией катили пушки усачи пушкари.

Один за другим промаршировали полки перед Щелкунчиком с развевающимися знамёнами и барабанным боем.

— Труби атаку, трубачи! За мной, солдаты-силачи! — прогремел Щелкунчик.

И — бух-бах-тарарах! — грохнули пушки. Полетела в мышей россыпь сахарного драже. Бум-бум-турумбум! — ухнули тяжёлые орудия, посылая на мышинные полчища круглые пряничные бомбочки. Немало мышей полегло под градом снарядов. Сахарная пыль, словно белый дым, заслонила сражающихся.

Мари с трудом различала, что происходит. Но видела она, как всё новые и новые толпы мышей выползают изо всех щелей и норок. А в ушах стоял непрерывный грохот боя.

Др-дрр! — скакали по полу сахарные шарики драже.
Плямс! — шлёпались, рассыпаясь на кусочки, пряники.
Цвинь-цвинь! — звенели сабли.

У-виии! И-ии! — пищали мыши.

И надо всем гремел голос полководца Щелкунчика:
— Смелей! Бей! Не жалея!

Пушкари установили свои пушки на скамеечки для ног и палили с высоты, опустошая ряды мышей. Но те всё напирали и напирали. И вот перевернулась скамеечка, покатались по полу пушки. Мышиные полчища потеснили гусар, кирасиров и драгун.

Рассеянная по комнате кавалерия спешно утекала в спасительный шкаф, оголяя правый фланг. Щелкунчик в растерянности огляделся. Нет, левый фланг его армии держался! Там сражались крохотные куколочки-сюрпризы, вышедшие из шоколадных бомбочек. Кого только не было в этих пёстрых рядах! Садовники и тирольцы. Тунгусы и парикмахеры. Мартышки и обезьяны. Арлекины и купидоны. Львы и тигры.

Под предводительством двух китайских императоров они сдерживали натиск мышинной армии, медленно отступая к нижней полке шкафа. Щелкунчик храбро врезался в мышинные ряды.

— Тревога! Тревога! Где ты, подмога? — в отчаянии призывал он.

На его зов из шкафа выскочили лишь несколько коричневых пряничных человечков в золотых шляпах. Но они были такими неумелыми бойцами, что тут же попали в окружение мышей. Одному отгрызли ногу, другого помяли, с третьего сбили шляпу. Большая опасность грозила смелому Щелкунчику, который даже не мог

вспрыгнуть на нижнюю полку шкафа. Слишком уж коротки были его ножки. Ему бы сейчас коня!

— О, мой бедный Щелкунчик! — вскричала Мари.

Она стащила с левой ноги туфельку и с размаху швырнула её в самую гущу мышей, целясь в противного семиголового короля.

И всё в тот же миг исчезло! Голова у Мари закружилась, и она без чувств осела на пол...

Очнулась Мари в своей постели. Сквозь занавеску светило яркое солнце.

— Наконец-то! — прошептала мама, в тревоге глядевшая на дочь.

— Скажи, милая мамочка, — слабым голосом спросила Мари, — Щелкунчик спасён? А противные мыши? Они убрались отсюда вместе со своим семиголовым королём?

— Ну вот, — расстроилась мама, — у тебя всё в голове перепуталось. Как же я испугалась, когда вчера ночью нашла тебя на полу с порезанной рукой. Вокруг валялись солдатики Фрица, твои игрушки, растоптанные пряничные человечки. Ты крепко прижимала к груди Щелкунчика, а в углу валялась твоя туфелька.

— Но ведь в полночь разразилась великая битва! — не унималась Мари. — Мышиный король со своим войском напал на кукол и солдатиков. Он хотел утащить в своё сырое подземелье Щелкунчика. Я швырнула свою туфлю и разогнала мышиное войско. Где, где мой Щелкунчик?

Мама погладила Мари по головке и ласковым голосом успокоила:

— Не бойся, детка. Щелкунчик стоит в шкафу целый и невредимый. Тебе всё померещилось.

Несколько дней лежала Мари в кровати и глотала горькие таблетки. Но вот она поднялась и первым делом кинулась в гостиную к шкафу с игрушками. Щелкунчика там не было!

Мари в растерянности стояла перед стеклянными дверцами шкафа, не смея поверить своим глазам. Как вдруг позади неё кто-то произнёс скрипучим голосом:

Ходит маятник упруго.
Стрелки бегают по кругу.
Тьму с собой приводит ночь.
День её прогонит прочь.

Это сова, сидевшая на часах в гостиной, снова завела свою механическую песенку. Мари вздрогнула и оглянулась. Перед нею стоял крёстный Дроссельмейер.

— Не сердись, Мари, что я не прогнал мышиноного короля, не растоптал полчища злых мышей. Не поспел. Зато... Гляди!

И он вынул из кармана Щелкунчика! Искусной рукой крёстный Дроссельмейер починил сломанную челюсть деревянного человечка и снова вставил три сломанных зуба.

— А где его сабля? — спросил вбежавший в комнату Фриц.

— Я вылечил Щелкунчика, — проворчал крёстный. — А уж саблю пусть сам добывает в бою. Так же, как сумел расколоть орех Кракатук!

— Какой орех? — насторожилась Мари. — Расскажи, сейчас же расскажи, крёстный.

У Фрица тоже загорелись любопытством глаза.

— Пожалуйста, не тяни, крёстный, рассказывай, — попросил он.

— Хорошо, — сказал крёстный, — слушайте.

И вот какую сказку поведал он Фрицу и Мари.

СКАЗКА О КРЕПКОМ ОРЕХЕ

У короля и королевы родилась дочь — малютка Пирлипат. Никогда ещё мир не видел такой прекрасной принцессы. Она вся была словно соткана из тончайшего розового шёлка, глазки — лазурнее чистого неба, а кудри отливали золотом раннего восхода. У её колыбельки каждую ночь сидели шесть нянек, и у каждой на коленях лежала кошка. Нянюшки гладили кошек по шелковистой шёрстке, и те тихо мурлыкали, убаюкивая малышку принцессу. Так и росла принцесса в холе и неге. Все обожали Пирлипат и с каждым днём всё больше обнаруживали в ней тонкую душу, доброе сердце и ясный ум.

Однажды король решил задать небывалый Колбасный пир.

— Дорогая, — молвил он королеве, — надеюсь, ты знаешь, какая колбаса мне по вкусу? Позаботься.

И вот съехались ко двору короли да принцы из окрестных столиц.

Королева повязала шитый серебром и золотом кухонный передник и самолично занялась приготовлением особой — королевской свиной колбасы. На кухню доставили золотые котлы, серебряные кастрюли, острейшие стальные ножи. Печь растапливали особенными дровами сандалового дерева, от которых шёл самый ароматный дым на свете. Королеве помогали стряпать тридцать три повара в белых колпаках, вокруг суетилась сотня

шустрых поварят. Первым делом нарезали ломтиками розовое сало и стали поджаривать, подрумянивать его на золотой сковородке.

И вдруг из подпола послышался тоненький голосок: — Дай и мне сальца, сестрица! Я тоже не прочь подкрепиться.

Королева сразу узнала противный голос Мышильды, королевы мышей. Та давно уже обитала во дворце и даже обосновала в одной из кладовок столицу своей страны Мышляндии. В другой день королева и не подумала бы подкармливать нахальную Мышильду, но сегодня торжество — знатный пир, и она кинула Мышильде кусочек сальца.

Не успела королева и ахнуть, как налетели мышинные сыновья и племянники, облепили кухонный стол и вмиг расхватали всё сало. Но поздно было поджаривать новую порцию. Пришлось приготовить свиную колбасу без единого кусочка сала.

И грянул пир!

Тру-ру-ру! — загудели трубы.

Дум-дум-дум-м! — загремели литавры, созывая гостей.

Король первым испробовал ещё тёплую, источающую чудесный запах свиную колбасу. Он положил на язык розовый ломтик, закатил глаза в предвкушении удовольствия и вдруг ахнул, откинулся на троне и горько зарыдал. Неужто заболел? Умирает? Послали за Придворным врачом. Но король слабо махнул рукой, открыл глаза и скорбно простонал:

— В колбасе нет сала! Куда оно пропало?

Пришлось королеве во всём признаться. Вознегодовал король и призвал Придворного чародея и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера, приказав ему сроч-

но изгнать из дворца Мышильду и всё её прожорливое семейство.

— Не позволю ей впредь пожирать, когда вздумается, моё сало! — буйствовал король. — Я не только изгоню её из дворца, но и прикажу отобрать все её владения, запасы и припасы! Судить негодное семейство по всей строгости закона!

И он тут же написал закон «ОБ ИЗГНАНИИ МЫШЕЙ НАВЕЧНО И БЕЗ ПОМИЛОВАНИЯ».

Закон этот вручили чародею и чудодею Дроссельмейеру, и он приступил к делу. Недолго думал чародей. Он смастерил сотню хитрых машинок-ловушек с привязанными внутри кусочками жареного, пахучего сала. Хитрющая, умудрённая опытом Мышильда, конечно же, никогда не попала бы на эту уловку. Она и всех остальных пыталась предупредить. Однако жареное сало так вкусно пахло, что на хитрость Дроссельмейера попались многие сыновья и кумовья, дяди и племянники мерзкой Мышильды. И тогда поклялась она жестоко отомстить.

Однажды, когда королева готовила для короля гусиный паштет, откуда-то из щели в полу выскользнула Мышильда и пропищала:

— Вы убили моих родичей. Ужасной смертью погибли некоторые из моих сыновей, любимые тётушки, незабвенные дядюшки, племянницы и племянники. Я, королева мышей, тоже не останусь в долгу. Берегись, королева, как бы я не загрызла принцессу Пирлипат!

И не успела королева опомниться, как Мышильда исчезла.

Обеспокоенная королева приказала охранять принцессу день и ночь. Перед дверью поставили громадных

стражников. У колыбельки ежечасно сменялись сиделки и няньки, которым строго-настрого было наказано ни на секунду не смыкать глаз. А в самой детской поселили кота. Правда, он был так жирен и ленив, что, забравшись на колени к нянюшке, посапывал и мурлыкал весь день и всю ночь напролёт.

Прошло время. Как-то вечером нянюшка задремала у колыбельки малютки Пирлипат. Вдруг сквозь дрему услышала она странный шорох. Открыла глаза и ахнула. Громадная мышь стояла на своих тонких паучьих ножках и тянулась усатой мордой к спящей принцессе. В ужасе завизжала нянюшка. Мышьильда, а это, конечно же, была она, юркнула в тёмный угол и пропала. На шум прибежали король и королева. Глянули они в колыбельку и обмерли. Вместо прекрасной малютки принцессы там лежала жалкая уродина. На сморщенном сером тельце еле держалась большущая сплюснутая голова с выпученными глазищами и растянутым до ушей безобразным ртом.

Но, странное дело, принцесса вдруг пристрастилась к орехам. Она хныкала до тех пор, пока нянюшка не насыпала ей в колыбельку горсть орехов. Пирлипат тут же умолкала и принималась щёлкать орешки своими крепкими зубками.

А король снова призвал Придворного чародея и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера и повелел ему вернуть принцессе былую красоту.

— Не выполнишь моего приказа, — грозно нахмурился король, — не сносить тебе головы: я прикажу палачу отрубить её!

Чародей, не теряя ни минуты, отправился к Придворному звездочёту. Тот поглядел на звёзды, поли-

стал старинные книги и составил звёздный гороскоп принцессы Пирлипат.

И открылось, что спасёт принцессу неведомый орех Кракатук. Оказывается, неспроста полюбила принцесса орешки! А Звездочёт сказал, что стоит лишь расколоть Кракатук и дать ядрышко малютке, как она снова станет прекрасной. Только скорлупа того ореха такая твёрдая, что и под тяжеленным молотом кузнеца не расколется. Но есть где-то на свете юноша, который в силах разгрызть орех.

Радостный прибежал к королю Дроссельмейер. А как же не радоваться, если он, кажется, спас свою голову!

— Ваше величество! — крикнул он с порога. — Мы сумеем вылечить принцессу и вернуть ей утраченную красоту. Надо только разыскать орех Кракатук и юношу, способного разгрызть его!

— Чудесно! — обрадовался король. — Поскорей веди сюда твоего юного щелкунчика! И я немедленно прикажу выдать тебе новый камзол и четыре самых главных ордена королевства!

Но в том-то и штука, что ни ореха, ни юноши не было. И снова под угрозой оказалась голова несчастного чародея. Недолго думая отправились на поиски чудодей Дроссельмейер и Звездочёт.

Пятнадцать лет странствовали они по свету. Где только им не пришлось побывать! Плутали они в непроходимых джунглях, пересекали знойные пустыни, переплывали глубокие реки и одолевали безбрежные моря. Были они в Миндальном царстве. Навестили короля Финика. Напросились в гости к принцессе Фисташке. Побывали у грозного короля Арахиса. Заглянули даже в город Белок. Но нигде не могли отыскать орех Кракатук и юношу-щелкунчика.

Обогнули они земной шар и наконец вернулись в родной город чародея Дроссельмейера Нюрнберг. Жил в том городе игрушечный мастер, лакировщик и позолотчик Кристоф-Захариус Дроссельмейер, двоюродный брат нашего чародея. Послушал он печальную историю малютки Пирлипат и покачал головой:

— Вот так штука! — А потом призадумался и воскликнул: — Есть орех Кракатук! Слушайте. Как-то раз мимо моей мастерской проходил сборщик орехов. Мешок его прохудился, и на землю высыпалась горка отборных орехов. В этот момент проезжала тяжело гружённая телега. Проехалась она колёсами по орехам и всё передавила. Но стоило ей наткнуться на откатившийся в сторону один орешек, как колесо треснуло и телега перевернулась. А орешек тот лежал себе на земле невредимый. Настоящий Кракатук! Я подобрал его. И недаром. Приходил ко мне некий чужеземец, предлагавший много золота за этот странный орешек. Не продал я его и теперь не жалею.

Он вынул из шкафа небольшую шкатулку, открыл её и показал гостям крупный золочёный орех, завернутый в серебряную бумажку. Игрушечный мастер развернул бумажку, потёр золочёный бок ореха, и вдруг открылись сияющие буквы — Кра-ка-тук!

Радости путешественников не было границ. Но чародей и чудодей Дроссельмейер вдруг пригорюнился.

— Орех Кракатук есть, но где отыскать того юношу, что в силах его разгрызть? Неужто нам блуждать по свету ещё пятнадцать лет и в конце концов лишиться головы?

И снова воскликнул игрушечный мастер:

— Есть такой юноша! Мой племянник. Зубы у него первой крепости!

— Ну, это нетрудно проверить, — сказал Звездочёт и принялся составлять гороскоп крепкозубого племянника.

Все звёзды и планеты сошлись, как положено, и решили призвать юношу. Явился писанный красавец в красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, с косичкой на затылке и со шляпой в руке. А шляпа была полна крупных орехов. Юноша щёлкал их с такой лёгкостью, что странное прозвище его — Красавчик Щелкунчик — было как нельзя кстати.

И вот Дроссельмейер и Звездочёт вместе с юношей Щелкунчиком прибыли в столицу своего королевства. Прослышали о крепком орешке окрестные принцы и собрались попытать счастья, да только зубы обломали.

— Не по зубам орешек! — шепелявили неудачники.

Расстроенный король велел объявить по всему королевству, что тому, кто раскусит орех и расколдует принцессу, он отдаст её в жёны и подарит полкоролевства в придачу. Однако не оказалось больше в королевстве смельчаков с целыми зубами. Зато у зубных врачей работы было невпроворот. И тогда явился к королю юноша Щелкунчик.

Он взял Кракатук, вежливо поклонился королю и королеве, улыбнулся уродине Пирлипат, дёрнул себя за косичку и — крак! — разгрыз небывалый орех. Только разлетелись в разные стороны золочёные скорлупки.

Поднёс он ядрышко принцессе, та съела его и тут же на глазах у изумлённого народа обернулась прежней прекрасной Пирлипат.

Гроном грянули барабаны. Зазвенели литавры. Загудели трубы. Потрясли стены дворца ликующие крики народа.

На шум выскочила из щели испуганная Мышильда. Тут-то и случилось непоправимое. Юноша Щелкунчик оступился и наступил на юркнущую под ноги мышь.

И так же, как только что легко кракнул в его зубах орех, расплющилась под его ногой Мышильда. И раздался её предсмертный писк:

— Ах, тяжело мне под каблуком! Прощай, мой сын, прощай, мой дом! Увы, на смерть осуждена! Но буду я отомщена! Как только дух я испущу, тебя в уroda превращу!

И, о, ужас! — прекрасный юноша в тот же миг превратился в крохотного уродца на тонких ножках. Нижняя челюсть отяжелела, и рот, усеянный длинным рядом крепчайших зубов, растянулся до ушей. А туловище словно бы одеревенело.

Глянула на него прекрасная принцесса Пирлипат и вскричала с отвращением:

— Убирайся вон, противный Щелкунчик! Не желаю быть женой урода!

С тех пор никто его не видел. Правда, добрый чародей Дроссельмейер уговорил Звездочёта вызнать у планет судьбу несчастного Щелкунчика. И тот предсказал, что Щелкунчик вернёт себе былую красоту и статность, когда победит семиголового сына Мышильды, срубит его головы собственной рукой. А кроме того, должна полюбить его прекрасная дева, которую не смутит и не испугает уродство несчастного Щелкунчика. И никто другой не сможет развеять злые чары. Зато, одолев мышиное воинство, он непременно станет королём.

Этими словами закончил крёстный Дроссельмейер свой грустный рассказ.

— Гадкая, гадкая принцесса Пирлипат! — воскликнула Мари.

— Ничего! — сказал Фриц. — Я верю, что храбрый Щелкунчик победит мышиного короля и станет прежним молодцем с саблей на боку!

«А ведь и правда, — подумала Мари. — Победив в битве с мышиными полчищами, мой Щелкунчик уже стал королём в кукольном королевстве! То-то ещё будет!»

И она улыбнулась.

Но что же сам Щелкунчик? Мари подбежала к шкафу. За стеклянными дверцами неподвижно стояли куклы, сахарные человечки, солдатики. И Щелкунчик не шевельнулся, не откликнулся, как ни звала его Мари. Но то ли проехала по мощёной улице карета, то ли протопал в тяжёлых сапогах важный майор, вдруг задрезжали тонкими колокольчиками стёкла шкафа и словно бы изда- лека донеслись до Мари слова:

— Мари, не печалься. Осилю беду и принцем желан- ным к тебе я приду...

Мурашки пробежали по спине Мари, и было так при- ятно, будто погладили по головке. Она смутилась и убе- жала. Вечером Мари сидела на коленях у крёстного Дрос- сельмейера и рассказывала ему о битве с мышами, о храбрости Щелкунчика. Мама, слушая её, улыбалась, а крёстный был очень серьёзен.

— Милая Мари, — сказал он, — ты видишь больше, чем все мы, взрослые. Береги в себе это светлое царство, верь и станешь такой же прекрасной принцессой, как Пир- липат. Но не прогоняй Щелкунчика, а защити этого несча- стного уродца от мерзкого мышиного короля. Только ты и можешь спасти Щелкунчика. Будь стойкой и преданной.

ПОБЕДА

Надолго запомнила странные речи крёстного малень- кая Мари. И вот однажды лунной ночью девочка просну- лась от непонятного дробного стука, будто кто-то высы- пал из горсти на пол горошины. Она услышала мелкий

топоток и противное попискивание. Мыши! Опять мыши! Мари онемела от страха.

И вдруг на столик рядом с её кроваткой вскочил мышиный король, сверкая острыми, жадными зубками, крохотными горошинами глаз и всеми семью золотыми коронами.

— Хи-хи-хи! — пропищал он. — Ты в моей власти! Отдай свои сласти! Сахарных куколок, сдобных барашков, леденцовых петушков и пряничных пастушков!

Задрожала от страха Мари, но не смогла и пошевелиться. А мышиный король с мерзким тоненьким смехом исчез в щели между полом и стеной. Наутро мама с удивлением обнаружила, что оборваны с ёлки конфеты и пряники, обгрызены острыми зубками.

— Неужто у нас завелись мыши? — ахнула мама.

Но Мари ничего не сказала о мышином короле. Она втихомолку радовалась, что Щелкунчик остался цел и невредим. Вечером со слезами на глазах Мари вынула из шкафа своих сахарных куколок — пастушка с пастушкой, белоснежных барашков, белую собачку. Пусть уж мерзкий мышиный король насытится сахарными человечками, лишь бы не трогал Щелкунчика.

Мари хорошо помнила сказку о крепком орехе и наверняка знала, что деревянный Щелкунчик на самом деле заколдованный юноша. Она с нежностью погладила ладошкой его раскрашенную деревянную голову. И вдруг почувствовала, как под её рукой дерево потеплело, на щеке Щелкунчика вспыхнул румянец. Девочка в испуге отёрнула руку, но тут же застыдилась и прошептала:

— Благородный господин Щелкунчик, я не дам вас в обиду.

И вдруг в ответ раздался тихий голосок Щелкунчика:
— Острую саблю прошу! Ею врага сокрушу!

Мари растерялась. Но тут на помощь пришёл Фриц. Он как раз отправил в отставку на дальнюю полку шкафа старого кирасирского полковника, который в боях потерял свою оловянную ногу и уже не мог сидеть на коне.

— Моему полковнику сабля уже не нужна, — сказал Фриц. — Пусть её забирает твой Щелкунчик. Он настоящий герой и ещё повоюет.

Так у Щелкунчика появилась отличная серебряная сабелька.

А в полночь снова послышалось поскрёбывание и писк.

— Мышиный король! — вскрикнула Мари, проснувшись.

Шкаф затрясся, закачался, а потом из-за стеклянной дверцы шкафа долетел тонкий голосок:

— Пощады нет тебе! Умри! — И следом — победный возглас: — Откройте дверь, мадемуазель Мари!

Мари со свечкой подбежала к шкафу и распахнула дверцу. Пред ней предстал Щелкунчик. На его серебряную сабельку были нанизаны все семь золотых корон мышиного короля. А Щелкунчик преклонил колено и провозгласил:

— Повержен дерзновенный враг. Он, мерзкий, превратился в прах, король мышей о семи головах! Не дожидил он и до зари. А вас, прекрасная Мари, прошу без промедленья отправиться в мои владенья.

— С радостью, дорогой Щелкунчик! — ответила Мари, а потом глянула на часы и смущённо добавила: — Только ненадолго. Ведь ночь ещё не кончилась, а мне надо выспаться.

— Я поведу вас самой кратчайшей дорогой, — просто ответил Щелкунчик.

Он подал руку Мари, и они ступили на порожек платяного шкафа.

В ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЕ

Щелкунчик дёрнул за рукав отцовской лисьей шубы, мохнатой и пушистой, как рождественская ёлка, и оттуда тотчас опустилась лёгкая кедровая лесенка. Спустя мгновение Мари очутилась на лугу, сверкающем разноцветными камнями.

— Это Леденцовый луг, — пояснил Щелкунчик и направился к высоким воротам, сделанным, казалось, из коричневого мрамора с белыми прожилками.

Мари с удивлением обнаружила, что это вовсе не мрамор, а вкраплённые в пряник изюм и миндаль. Сказочные ворота так и назывались — Изюмно-Миндальные. На блестящей, отделанной сахарной глазурью галерее сидели шесть обезьянок в красных камзолчиках и наигрывали нежную мелодию.

Мари и Щелкунчик вошли в ворота. Перед ними раскинулся чудесный сад. Искрилась тёмная листва. Поблёскивали серебряные и золотые груши, яблоки, висели изумрудные грозди винограда. Стволы и ветви были оплетены цветными шёлковыми лентами и золотой мишурой. Потрескивали и плясали в тёмно-зелёной листве весёлые оранжевые огоньки факелов.

Щелкунчик ударил в ладоши, и в то же мгновение явились сверкающие сахарными блёстками пастухи и пастушки, трубачи и охотники, гусары и дамы. Откуда ни возьмись, перед Мари явилось золотое кресло, устланное белыми воздушными подушками, словно сделанны-

ми из самой нежной пастилы. Она опустилась в кресло, а Щелкунчик почтительно склонился позади.

И начался танец, лёгкий, как взмах бабочкиных крыльев, и стремительный, как стрекозиный полёт. Но танцоры кружили и кружили, повторяли одни и те же па, словно заведённые.

— Не скучно ли вам, прекрасная Мари? — спросил, извиняясь, Щелкунчик. — Простите наших танцоров. Ведь это всего-навсего кукольный балет. Заводные куколочки, увы, умеют делать одно и то же.

— Что вы, что вы! — восторженно воскликнула Мари. — Они такие прелестные!

Она и впрямь готова была смотреть на танцы куколок ещё и ещё.

Но Щелкунчик уже увлекал её дальше, в глубь чудесной кукольной страны. Они медленно шли вдоль узкого ручейка. Его ароматные, благоуханные струи навевали прохладу.

Мари опустила руку в воду ручейка, и с её пальцев одна за другой стекли вязкие оранжевые капли.

— Это Апельсинный ручей, — пояснил Щелкунчик. — Зачерпните немного этой сладкой влаги. На вкус она не хуже апельсинового сока.

Мари с удовольствием напилась чудесной освежающей воды удивительного ручейка, а Щелкунчик уже вёл её вперёд.

— Вы ещё не видели Лимонной реки, — сказал он.

И вот послышалось тихое журчание и шипение волн. Ах, это прозрачный, зеленоватый лимонадный поток несётся между будто бы облитых шоколадом гладких камней! На берегу шипучей Лимонадной речки раскинулась Пряничная деревушка. Дома, церковь и даже амба-

ры были крыты золочёными крышами, а коричневые стены расписаны чудными цукатными узорами.

Щелкунчик повёл Мари через просторные поля и извилистые речки к толстым и розовым, как пастила, стенам небольшого городка. Мари увидела, как с весёлым гомоном суетятся у нагруженных возов крохотные человечки в ярких, будто бы леденцовых кафтанах. Они разгружали толстые шоколадные плитки и горы конфет в шуршащих обёртках. И Щелкунчик тут же объяснил, что это жители города Конфеттена получили дар от короля из соседней Шоколадной страны.

— Ах, как здесь прекрасно! — воскликнула Мари.

Щелкунчик отвесил благодарный поклон и заторопился дальше. И вот они на берегу Розового озера. Оно окружено благоухающими кустами роз, и оттого вода кажется тоже нежно-розового цвета. Серебристо-белые лебеди скользят по зеркальной глади. Хрустальные рыбки искрятся в прозрачной воде. И в серебряных звуках струй Мари слышались вдруг звуки песенки:

Рукавом прозрачным вея,
Над водой порхает фея —
Фея ветра, фея вод.
Рыб жемчужных хоровод,
Волн воланы, веер брызг,
Мёдом пахнет тамариск.

Мари вгляделась в чистое зеркало воды и увидела круглое разругавшееся, будто сотканное из розовых лепестков девичье личико.

— Смотрите, милый Щелкунчик, дорогой господин Дроссельмейер! — радостно вскричала она. — Там принцесса Пирлипат! Она улыбается вам!

Но Щелкунчик покачал головой:

— Это не принцесса Пирлипат. Вы сами, ваше личико улыбается, отражённое в волнах Розового озера.

Мари сконфузилась и отвернулась. В ту же минуту явились арапчата с шоколадными лицами. Они легко подхватили Мари и в мгновение ока перенесли в просвеченный золотистыми лучами лес. Каждое дерево здесь было украшено леденцовыми гирляндами, на каждой ветке висели удивительные плоды, словно сделанные из цветного сахара. Алые огоньки вспыхивали на крохотных свечках. Чашечки подсвечников, в которых были утоплены свечи, сделаны были из золочёных половинок ореховой скорлупки.

— Рождественский лес! — обрадовалась Мари. — Ах, как всё здесь сияет и сверкает!

— Нет, это Цукатная роща, — сказал Щелкунчик. — Но поторапливайтесь, милая Мари, нас ждут в городе.

Тут из-за деревьев навстречу им вышел вдруг расфуфыренный парчовый человечек, поклонился Щелкунчику и молвил:

— Добро пожаловать, любезный принц, в столицу вашего королевства — прекрасный Марципанштадт!

«Принц!» — ахнула про себя Мари.

Но ещё больше поразила она, когда очутилась перед грандиозным замком. Он был похож на восхитительный торт с множеством воздушных, сделанных из сбитых сливок башен, с большим куполом главного зала, усеянным тысячами крохотных золотых и серебряных блёсток, с тяжёлыми, разлинованными на квадратные шоколадные дольки воротами и перекидным вафельным мостиком, под которым вдоль глубокого рва струились прохладные апельсиновые воды.

И тут Мари заметила, что в кровле одной из башен зияет безобразная дыра. Её быстро заделывали рифлёными вафельными листами крошечные человечки, забравшиеся на помост из пластинок корицы.

— Да, — покачал головой Щелкунчик, — недавно здесь появился известный в округе Сладкоежка и откусил часть Бисквитной башни. Но ничего, скоро её починят.

Тут распахнулись ворота, и Мари следом за молодым принцем Дроссельмейером ступила во двор замка. Они очутились на площади, посреди которой возвышался многослойный и многоэтажный пирог-фонтан. По кругу стояли на хвостах марципановые дельфины с блестящими изюмными глазками. Из открытых дельфиньих ртов с шипением били разноцветные лимонадные струи: оранжевая апельсиновая, жёлтая грушевая, алая гранатная, прозрачная яблочная.

Смешиваясь, кипели шипучие струи в обложенном валиками сбитых сливок бассейне. А вокруг плясали, пели и смеялись толпы крохотных мальчиков и девочек. Их весёлый гомон заглушал даже шум шипучих фонтанных струй.

В это мгновение зазвучала тихая, нежная музыка и появились забавные мальчики пажи. Их румяные круглые лица, похожие на свежее испечённые булочки, сияли приветливыми улыбками. В руках у них ярко горели алые факелы — гвоздики. Пажи окружили принца и Мари и, пританцовывая, повлекли их дальше.

Вдруг из-под стрельчатой, сахарной арки навстречу им бросились... куклы Трудхен и Клерхен! Нет, нет, Мари обозналась. Эти дамы в роскошных платьях, конечно же, прирождённые принцессы! Они устремились к Щелкунчику и нежно защебетали:

— О, дорогой наш братец! Ах, милый принц!

А Щелкунчик взял за руку Мари и вывел её вперёд.

— Это несравненная мадемуазель Мари, — торжественно объявил он. — Моя спасительница. Не кинь она туфлю в самый разгар битвы, не добудь она мне вовремя саблю старого кирасира, загрыз бы меня мерзкий мышиный король.

Принцессы тут же кинулись к Мари и стали её обнимать и целовать. Мари зарделась, а принц Щелкунчик воскликнул:

— Взгляните, как она прекрасна! Ну разве может сравниться с несравненной мадемуазель Мари по красоте, доброте и преданности Пирлипат, пусть она и настоящая принцесса!

И снова принялись обнимать Мари царственные сёстры Щелкунчика.

— Ах, благородная спасительница! О, несравненная, бесценная, бесподобная наша подружка Мари!

Они пригласили желанную гостью во дворец и немедленно принялись готовить угощение. Появились золотые кастрюльки и мисочки тончайшего китайского фарфора, серебряные ступки, ножи, вилки, ложки. Воздух наполнился ароматами пряностей. Всхлипнули в крошечных давильнях диковинные плоды, прыскавая струйками сладких соков. Захрустел в ступках миндаль.

Мари с удовольствием включилась в весёлую кухонную суету. Она старательно крошила тяжёлым пестиком скользкие карамельки. А Щелкунчик тем временем рассказывал о трудной и долгой битве с мышами, о храбрости солдатиков, о стойкости и преданности Мари, которая даже готова была пожертвовать своими сахарными подданными.

Мари слушала и слушала. Удары пестика, журчание фруктового сока, шелест шёлковых платьев принцесс, слова Щелкунчика постепенно сливались в чудную мелодию. Над плитой поднимались облака ароматного пара, они серебряным туманом клубились перед глазами Мари, застилая и заслоняя начищенную до блеска кухонную утварь, горы диковинных плодов да и самого Щелкунчика.

Голова Мари закружилась, словно её несло куда-то ввысь, всё выше и выше, выше и выше...

— О-ох! — Мари упала с невероятной высоты и... и проснулась в своей кровати.

В окна светило солнце. Рядом стояла мама.

— Заспалась, голубушка, — мягко пожурела она. — Завтрак давно на столе.

Мари широко раскрыла глаза и с удивлением огляделась. Да, она действительно дома, в своей спальне. Наверное, там, в замке прекрасного принца Щелкунчика, она крепко уснула, убаюканная звуками его мелодичного голоса, и верные пажи принца осторожно перенесли её домой, уложили в постель и, никого не разбудив, вернулись в свой несравненный Марципанштадт.

Конечно же так и было! И Мари принялась рассказывать маме про лимонадный фонтан, марципановый замок, Розовое озеро, населённое феями, и Рождественскую рощу. Мама слушала, улыбалась и покачивала головой.

— Тебе, Мари, приснился чудный сон, — сказала она.

Но Мари прижала руки к груди и воскликнула:

— Мамочка! Какой же это сон, если меня привёл туда молодой принц Дроссельмейер, мой несравненный Щелкунчик?

Тут уж мама рассмеялась. Засмеялся и вошедший в спальню отец. Громко захохотал вбежавший следом Фриц.

До слёз было обидно Мари. Она вскочила с постели, бросилась в гостиную и раскрыла стеклянные дверцы шкафа. Там на средней полке стояла маленькая сафьяновая коробочка. Мари схватила её, раскрыла и вынула горсть крохотных золотых корон. Всё, что осталось от семиголового мышиноного короля.

Все домашние склонились над удивительными, тончайшей работы коронами. Всплеснула руками мама. Покачал головой отец. Молча свёл брови Фриц. Теперь уже никто не смеялся. Вдруг растворилась дверь, и в комнату вошёл крёстный Дроссельмейер. Он был по-прежнему в своём кургузом нелепом камзоле и пудренном парике.

— Что случилось? — спросил крёстный и тут увидел на ладони Мари крошечные коронки. — А, узнаю! — улыбнулся старый Дроссельмейер. — Эти коронки я носил на серебряной часовой цепочке вместо брелоков и подарил своей крестнице Мари, когда ей исполнилось ровно два года.

— Ну вот, — обрадовалась мама, — всё и разъяснилось. Но я не могу припомнить вашего подарка, господин Дроссельмейер. Впрочем, это не важно.

Но для Мари это было очень важно! Теперь ведь ей никто не поверит, хотя она никогда не сможет забыть чудесного путешествия в сладостную и сказочную страну принца Щелкунчика, юного Дроссельмейера, племянника её крёстного. И почему он всё скрывает? Зачем же тогда поведал им с Фрицем историю о крепком орехе Кракатук?

ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

С того дня Мари, боясь насмешек, уже никому не рассказывала о своём принце Щелкунчике. Вечерами она садилась на маленькую скамеечку у стеклянного шкафа, и к ней тут же возвращались звуки песенки о фее, порхающей над Розовым озером, терпкий аромат хвойных лап в Рождественской роще, шелест лимонадных струй фонтана в Марципановом замке, весёлый гомон человечков в городке Конфеттен.

Часто Мари пыталась заговорить с Щелкунчиком. Но тот упорно молчал. Наверное, обиделся на всех домашних, которые не верили ни в его доблестную победу над мышинным королём, ни в кукольное королевство, сказочнее которого и не бывает. Обиженно молчали и его сёстры принцессы Трудхен и Клерхен, притворяясь бессловесными куклами. Горько вздыхала Мари, но всё же не теряла надежды, что заколдованный уродец Щелкунчик превратится когда-нибудь снова в прекрасного юного принца Дроссельмейера. Уж она-то ни за что не прогонит его, как это сделала надменная Пирлипат!

— О, милый господин Дроссельмейер! — тихонько вздыхала Мари. — Как бы я хотела снова оказаться рядом с вами в чудесном замке!

Она задумалась, забылась и не сразу заметила вошедшего в комнату крёстного. Рядом с ним стоял ладный молодой человек в великолепном, шитом золотом алом кафтанчике и белых шёлковых чулках. Волосы его были завиты и напудрены, а на спину свисала крепко заплетённая косица. В петлице кафтанчика благоухал крохотный букетик фиалок.

— Познакомьтесь, — сказал крёстный Дроссельмейер, — это мой племянник.

Юноша вынул из петлицы букетик и с поклоном преподнёс его Мари. Кроме того, он подарил ей множество маленьких сахарных куколок взамен тех, что сгрыз мерзкий мышиный король. Мари зарделась. Фрицу любезный молодой человек вручил посеребрённую саблю в кожаных ножнах.

Мама пригласила всех за стол. И тут юный племянник всех поразил, с лёгкостью разгрызая самые твёрдые орехи. Он щёлкал их один за другим, и скоро на столе высилась горка сочных ядрышек. А юноша положил на зуб очередной орех, напрягся, дёрнул себя за косицу и — крак! — скорлупа треснула. Он улыбнулся, показывая ровный ряд жемчужных зубов, и протянул ядрышко Мари. Теперь она и вовсе смутилась и стала совсем пунцовой.

Старый Дроссельмейер заметил, как покраснела Мари, улыбнулся и предложил ей пойти в гостиную вместе с гостем и развлечь его своими игрушками.

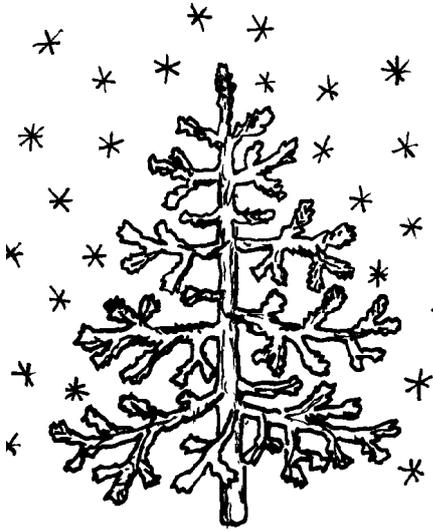
Стоило юному Дроссельмейеру остаться наедине с Мари, как он вдруг опустился на одно колено и торжественно произнёс:

— О, несравненная мадемуазель Мари! Узнаёте ли вы меня? Я тот, кому вы спасли жизнь, уродец Щелкунчик. Но стоило вам шепнуть, что не отвергли бы меня, как вероломная Пирлипат, и ко мне вернулся мой прежний облик. Теперь я не уродливый деревянный Щелкунчик, а принц сказочного королевства. Вот моя рука и вот моё сердце! Примите их, и мы вместе будем царствовать в моём удивительном и гостеприимном Марципановом замке.

И с этого мгновения Мари стала невестой сказочного принца. Прошло время, и он, говорят, увёз её в своей золочёной карете, запряжённой длинногривыми лошадками, которые громко цокали серебряными подковами по гладкой, словно леденцовой мостовой. На их свадьбе плясали и пели нарядные куклы, играли сахарные трубачи и пряничные барабанщики.

ВПЕРЕД, ДИК СЭНД!

Надька склонилась над ним и взяла его за руку. Он грустно смотрел на измазанный грязью рукав *своей новенькой нейлоновой куртки, на концы пионерского галстука, *намокшие в луже и потемневшие. А Надька своими большими, как казаясь Мишке, ладонями стряхивала с него капли воды, прилипшие мокрые листья и нет-нет да озиралась зорко по сторонам.

Вдруг она схватила свой стоявший у ног портфель и хлётко и здорово ударила им что-то. Мишка только в следующий момент увидел, как покачнулся Генка, как с головы его слетела шапка. А Надька уже снова занесла руку с портфелем. И Мишка заметил испуг в Генкиных глазах и увидел, как упала его сжатая в кулак рука.

Венька, стоявший сзади, хотел пнуть Мишку ногой. Но Надька только взглянула на него жёстко, и Венька отступил назад.

Она потянула Мишку за руку, и они тихо пошли по раскисшей жухлой тропинке, и октябрьские клёны спускали над ними свои широкие листья-ладони. И октябрьское солнце светило им.

Надька прошла несколько шагов и резко обернулась. Венька держал в руке обломок кирпича и метился в Мишкину спину.

— А ну, попробуй! — Надькины глаза вспыхнули гневом.

Пальцы у Веньки разжались, и кирпич упал в грязь. А Надька, обернувшись с брезгливым видом, всё так же уверенно держа Мишку за руку, продолжала свой путь по раскисшей тропинке.

Надька! А ведь до вчерашнего дня Мишка и не знал, что она Надька. Он знал, что сидит на парте сзади здоровенная Абрамова, которая при случае может стукнуть по затылку, которая, если вовремя не подскажешь, дёрнет за ухо. Но чтобы такая Надька!

Мишка был самым толковым в классе. Все учителя так говорили. И все ребята знали об этом. Но не заладилась у Мишки дружба с ребятами. Он и сам не знал, кто в этом был виноват. Просто не склеилось. То ли Мишка был тому причиной, то ли ребята. Правда, Мишка чаще других поднимал руку на уроках. Но разве за это нужно бить? И спортивная сумка у Мишки как у всех, растерзанная, обтёрханная, и пуговиц на пальто не хватает. Ну чем он не такой, как все?

И этот Генка... За что он возненавидел его? Ну, у Генки не всё получается с математикой. И в географии он не силён. Так при чём тут Мишка? И за что его бить? Генка обещал взять его в рабы. И тогда Мишка каждый день должен будет давать ему списывать задания по математике и всякий раз подсказывать на уроках. Мишка — хилjak. Где ему сладить с Генкой.

Надька идёт рядом, и губы её сжаты в узкую полоску. Мишка чувствует, как пальцы её подрагивают, как вся она — решительная, твёрдая — ни за что не даст его в обиду.

Кружатся тихие рыжие листья, и Мишке кажется, что он видит каждый листок до зубчика, и каждый, просвеченный до крохотной жилки, ложится на землю сказоч-

ным узором. А видит это Надька или нет? Прямо перед ними на тропинку опускается широкий в жёлтую крапинку лист-ладонь. Наступит на него Надька? Она легонько толкает Мишку в плечо и обходит лист.

Вот и поворот, где Надьке — направо. А ему идти прямо. Ещё далеко, ой как далеко, до самой опушки леса, оттуда уже рукой подать — и он дома. Но она и не думает сворачивать. Продолжает идти рядом с ним. Только у самого края леса останавливается.

— Ну, а здесь сам дойдёшь, — говорит грубовато.

Бабушка хлопчет у колодца во дворе, гремит вёдрами. Она оглядывается на стук калитки и долго вопросительно смотрит на Мишку.

— Что это ты весь мокрый?

— Упал... В луже поскользнулся... — хмуро бурчит Мишка и торопится к крыльцу.

Лохматый, всегда шумный и радостный Бобик бросается к маленькому хозяину, лижет руки. А потом заглядывает в глаза Мишке и, словно поняв, что тому не до веселья, затихает, отходит в сторонку и укладывается у порога.

Мишка совсем без охоты ест суп, любимые им поджаристые блинчики. А в голове всё одно: «Ну за что? За что они меня?.. И как завтра идти в школу? А если опять начнут бить?..» И гулять он не идёт, как обычно. Усаживается возле окна с книжкой, пытается читать. Книжка интересная — про пятнадцатилетнего капитана. Раньше он читал её и воображал себя Диком Сэндом. А сейчас ему до слёз обидно. Дик Сэнд — смелый, сильный. А Мишка — хляк. Ну какой он Дик Сэнд, если Генку боится! И он с досадой захлопывает книжку.

Он рано укладывается спать.

— Уж ты не заболел ли часом? — тревожится бабушка.

— Да нет, — успокаивает её Мишка. — Просто спать хочется.

Спит он беспокойно, часто просыпается. И сны, противные, похожие один на другой, преследуют его. Снова и снова он видит Генку, размахивающего кулаками. Венька целится в него кирпичом. И всякий раз появляется Надька. Она выше Генки, даже выше дерева за её спиной. А Венька ей и вовсе по колено. В руке у Надьки не портфель, а боевая секира. Она замахнулась ею и сейчас опустит тяжёлый топор на Генкину голову.

— Не надо! — в ужасе кричит Мишка и опять просыпается.

Наступает утро, не по-осеннему яркое, солнечное. Сорвавшись с постели, Мишка подбегает к окну. А на дворе — ранний заморозок. Пожухлая ещё вчера трава нынче вся в нарядной белой изморози и в весёлых солнечных искорках. И на железной крыше сарая напротив отражаются радостные солнечные блики.

Только Мишку не радует всё это. «Надо в школу идти, — с грустью думает он, — а страшно. Ну не будешь же бабушке жаловаться». Он рассеянно собирает тетрадки и учебники. Вспоминает, что забыл вчера выучить стихотворение. Теперь уж не успеть. Одна надежда — может, не вызовут. А если вдруг вызовут? Вот будет радости-то Генке с Венькой.

Он шагает лесной тропинкой и пугливо оглядывает кусты, разлапистые низкорослые ёлки: может, они там притаились? Нет, тихо и пустынно в лесу. Но что это за фигура маячит вдали у самой развилки? Мишка останавливается. Холодок замирает в груди. Однако — идти надо. И он идёт — медленно, робко. Да ведь это Надька!

Она стоит и смотрит в его сторону, и уже нет страха! Вперёд! Он снова — Дик Сэнд, смелый и сильный пятнадцатилетний капитан. Надька молча кивает ему, ободряюще сверху вниз смотрит на него: не бойся, смелей!

А Генки сегодня почему-то нет в школе. Венька без надёжной защиты ведёт себя смирно, не задирается. И по литературе Мишку сегодня не спросили. Опять хорошо жить на свете, здорово!

Звонок с последнего урока давно прозвенел. Все ребята выбежали из класса, а Мишка всё копается. В третий раз вынимает из сумки и обратно укладывает учебники. Чего-то ищет в парте и под партой. Да ничего он не ищет. Просто хочет уйти последним. Так лучше. Безопаснее.

Гулко бухает за ним дверь. И опять — тут как тут — Надька. Она стоит у школьного крыльца и ждёт Мишку. И снова они идут вместе лесной тропинкой. И снова не сворачивает Надька на развилке, а продолжает шагать с ним рядом до самой опушки. Тут она останавливается и дёргает Мишку за рукав:

— Слушай, а что с Генкой? Может, он?.. Ведь я здорово его вчера огрела... Слушай, пойдём к нему домой, узнаем. Он тут недалеко живёт.

Топчется Мишка на месте, робеет. «А впрочем... Раз Надька с ним — вперёд, Дик Сэнд!»

Ещё не доходя до Генкиного дома, они слышат его отчаянный крик:

— Не отдам! Ни за что не отдам! Пусти!

Надька ускоряет шаги, и низкорослый Мишка еле поспевает за ней. Потом они припускаются бегом. Ребята видят Генку. Взъерошенный, красный, он вырывается от отца. Они знают его отца. Видели однажды в школе.

Он крепко держит Генку за ухо, а свободной рукой пытается вырвать у него кролика, которого тот прижимает к груди. Кролик испуганно таращит глаза и всеми четырьмя лапами цепляется за Генку.

— Ты уже у меня трёх унёс на базар со своими дружками! — продолжает орать Генка. И злые слёзы, кажется, так и брызжут из его глаз — И этого хочешь? Не отдам!

Генка плачет?! Надька какое-то мгновение стоит растерянно и вдруг решительно бросается к ним. Мишка, робкий Мишка, не отстаёт от неё. Вперёд, Дик Сэнд! Надька с налёту обеими руками толкает Генкиного отца в грудь, тот от неожиданности выпускает Генкино ухо, и втроём они пускаются наутёк.

Ребята добегают до поворота улицы и останавливаются: а дальше куда?

— Ко мне! — кричит Мишка. И они продолжают бежать уже с Мишкой впереди. С треском распахивается калитка. Ребята влетают во двор. Перепуганная бабушка с неожиданной для неё резвостью бежит от сарая им навстречу.

— Что случилось? Что такое? — кричит она на бегу.

— Да он кролика!.. — Кричит запыхавшийся Мишка. — Кролика хо-хотел!.. Понимаешь — на базар...

— Кто — он? Чей кролик? — не понимает бабушка.

— Да Генкин кролик! Ну, а отец отнимал его... Ну, понимаешь?..

— Пойдёмте в дом, там разберёмся, — уже спокойно говорит бабушка. И ребята идут за ней.

Вчетвером они сидят на корточках посреди комнаты. А перед ними на полу белым пушистым комом — кролик. Прикрыл глаза, прядает ушами, тяжело дышит.

— Трошечка, бедный, перепугался, — приговаривает Генка и ласково гладит кролика по спине — как же мне с тобой быть, хороший мой?

— А ты его у нас оставь, — говорит бабушка. — Мы приглядим.

Весело, шумно теперь у Мишки дома. Всякий день после школы ребята спешат сюда. А Трошка ждёт их и встречает у порога. Они выпускают Трошку на улицу, и начинается потеха. Кролик никуда не убегает, держится рядом с ребятами, и не боится он никого — ни Бобика, ни кота Тараса, ни драчливой Мурки. Лихо кувыркается в пушистом снегу, а когда прыгает — только белые буруны вырываются из-под задних лап.

— А теперь, Трофим, на сцену! — строго приказывает Генка, приглашая кролика на крыльцо.

Трошка порядок знает, и артист он отменный. Оказывается, Генка его давно дрессирует.

— Танцуй! — командует хозяин.

И Трофим, встав на задние лапы, начинает лихо отплясывать какой-то свой неведомый заячий танец.

— Але-оп! — И Трошка, ни секунды не раздумывая, тугим белым ядром пролетает сквозь обруч.

А ещё он умеет барабанить, делать сальто-мортале, кланяться публике.

После представления все идут в дом. Ребята усаживаются за большим обеденным столом — готовить уроки, а Трошка отправляется в свой закуток у печки. Мирно тикают ходики. Шелестят книжные страницы, а от печки доносится вкусное похрустывание. Это Трошка лакомится сочной кочерыжкой. Вдруг отрывается от учебника Генка:

— А что, если... — произносит он заговорщическим полущёпотом. Надька с Мишкой смотрят ему в рот. Генка молчит, словно испытывая ребячье терпение.

— Скоро ёлка в школе, что, если...

Шумно и многолюдно в небольшом школьном зале, горят многоцветьем огни лесной царицы праздника. Но вот стихает шум. На маленькой сцене девочки-пятиклассницы.

— В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла, — словно старую-престарую и всегда новую сказку рассказывают они под музыку.

И когда заходит в сказке речь о трусишке-зайке, он действительно появляется у ёлки, живой, взаправдашний. Шум удивления проносится по залу. Девчоночий хор от неожиданности путается, и рояль умолкает. Заяц от многоцветья ярких огней и множества зрителей вначале теряется и застывает на месте. Но, быстро освоившись с обстановкой, начинает кружить вокруг ёлки; ободрённый его смелостью, хор настраивается и продолжает свою сказку. И волк появляется, когда доходит очередь до него. Лохматый, зубастый, он устремляется за зайцем.

— Беги! — несутся из зала ребячьи голоса.

Но заяц неожиданно останавливается и бросается к серому разбойнику.

— Ну, волк, погоди! — звенит откуда-то мальчишеский голос.

Заяц подбегает к волку и, поднявшись на задние лапы, передними вцепляется в страшную звериную морду. Отваливается зубастая пасть. Гаснут глаза-огоньки, падает на пол маска. И все узнают Генку. Ребята отчаянно хлопают, что-то кричат. Но Трошка невозмутим. Он держит в передних лапах морковку и кланяется публике.

Мишка стоит рядом с Генкой. Он — его ассистент по номеру. Радостно Мишке и хорошо. А Генка вдруг наклоняется, поднимает с пола Трошку, нежно смотрит на его мордочку, дует на пушистое, просвечивающее розовым светом ухо и, передавая его Мишке, говорит:

— Бери, пусть это будет мой новогодний подарок!..

